

Победи мою дочь

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Победи мою дочь

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Победи мою дочь / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Маргарита Дроздова знает, как выиграть у собственной дочери. Когда-то она сама научила Кристину держать шпагу. Теперь дочь тренируется в Москве, а Маргарита выводит против неё Яну — взрослую ученицу, с которой снова чувствует вкус большой работы. Кристина хочет вернуть мать. Яне нужен тренер, способный увидеть в ней больше, чем удобную замену. Маргарита уверена, что сумеет быть обеим необходимой, пока дочь не ставит условие, которое нельзя выполнить наполовину. Маргарите предстоит выбирать между дополнительной тренировкой ученицы и выставкой мужа. Яне — между оплаченной сменой и обещанным вечером. А Кристине — выйти против женщины, за которую будет болеть её мать. Каждая из трёх хочет выиграть. Но что останется между ними, когда погаснет табло?

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Другой край дорожки	5
Глава 2. Коробки до потолка	12
Глава 3. Пока открыт зал	18
Глава 4. Места за столом	23
Глава 5. Вторая попытка	28
Глава 6. Девушка из Брянска	32
Глава 7. Четверть метра	37
Глава 8. Отпечаток пальца	41
Глава 9. Длинный укол	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

А.М. Сунгурский

Победи мою дочь

Глава 1. Другой край дорожки

Мамин кашель Кристина слышала прежде, чем увидела её саму. Два коротких сухих звука — так мать прочищала горло, собираясь сказать что-нибудь, чему следовало немедленно подчиниться.

Кристина подняла голову. За другой половиной дорожки Маргарита Павловна вытаскивала из рюкзака бутылку. Рюкзак лежал на стуле боком; из расстёгнутого кармана торчал банан с оторванной верхушкой. Мать на секунду зажала бутылку между коленями, сорвала тугое кольцо под крышкой и протянула воду Яне Лукиной.

— Маленькими глотками. Куда ты столько.

До конца перерыва оставалось сорок секунд.

Кристина посмотрела на свою бутылку. Крышка у неё была давно открыта, ещё в гостинице. Можно было просто попить. Она и попила, слишком много, почувствовала холодную тяжесть под рёбрами и рассердилась, что сделала именно то, за что сейчас поправляли другую.

На табло было одиннадцать — десять в её пользу. Два периода закончились; оставались три минуты чистого времени, и этот бой, судя по тому, как они обе разогнались, должен был закончиться раньше. В первом Кристина вела четыре — один. Потом Яна перестала так охотно подставлять кисть, а Кристина дважды полезла за уколom туда, где её уже ждали. Ничего непоправимого. Обычная четвертьфинальная работа, для которой она и приехала в Смоленск, вместо того чтобы провести субботу в московском зале.

Она могла повторить это ещё раз. Приехала поработать. Увидеть отца. Забрать зимние сапоги, оставленные весной. Заодно выступить на открытом турнире, где знала половину судей и узнавала по спинам людей, которых не видела несколько лет.

Мать нагнулась к Яне. Свет упал на пробор: красилась она недавно, на виске осталась узкая тёмная полоска. Яна слушала с закрытыми глазами. Под маской у неё взмокли волосы; теперь они прилипли ко лбу отдельными острыми прядями.

— Второй не догоняй, — сказала мать громче, чем требовалось. — Первый дай. Второй подожди.

Остального Кристина не разобрала. На соседней дорожке кто-то радостно закричал, упала маска, судья попросил отойти от края.

Второй шаг назад.

Когда Кристине было двенадцать, мать выкладывала на полу две полоски лейкопластыря. От первой надо было уйти коротко, от второй — длиннее, чтобы вытянуть за собой девочку, которая уверена, что догоняет. Если та торопилась, Кристине оставалось остановить руку перед её грудью. Получалось не сразу. Она злилась на полоски, на липкие следы, на материнское «ещё», потом вдруг поймала движение и так обрадовалась, что засмеялась прямо в маске.

После занятия они ели у остановки горячие пирожки с капустой. Мать держала оба пакета, потому что у Кристины дрожали пальцы.

— На дорожку, пожалуйста.

Кристина поставила воду, натянула маску. Внутри пахло солью и вчерашней плохо просохшей тканью. Мир сузился до металлической сетки, белой фигуры и наконечника чужой шпаги, слегка покачивавшегося против её руки.

Она проверила, где стоит передняя нога. Провела ладонью по бедру. Посмотрела на Янину гарду.

— Готовы? Начинайте.

Первое сближение Кристина сделала нарочно медленно. Яна подалась назад. Ещё шаг — и ещё, почти ленивый. Девушка напротив качнула остриём вниз, приглашая в руку. Кристина показала, что принимает приглашение, и в последний момент опустила клинок к передней стопе.

Загорелась одна лампа.

Двенадцать — десять.

Она отступила к линии. Теперь следовало сохранить это ощущение: Яна умеет драться, но всё ещё торопится закрыть кисть, когда видит угрозу. Нога остаётся на месте на крошечную долю секунды. Это можно взять ещё, только не сразу.

Кристина снова двинулась вперёд. Яна встретила её уколом, и обе лампы вспыхнули почти одновременно.

Тринадцать — одиннадцать.

Ещё два. Даже по одному каждой ей было выгодно. В груди стало просторнее; шум зала отодвинулся. Мать сидела неподвижно, чуть подавшись вперёд, сцепив пальцы между коленями. Кристина знала эту позу. Так мама сидела перед каждым её решающим уколом.

Она посмотрела на мать слишком долго.

После команды Яна сократила расстояние сразу. Кристина ушла коротко, потом приготовилась вытянуть её вторым шагом. Девушка остановилась. Просто не пошла туда, куда её позвали. Кристинина рука, уже начавшая привычное встречное движение, на мгновение осталась одна, без тела; в запястье толкнулся наконечник.

Тринадцать — двенадцать.

Кристина повернула кисть. На белой перчатке ничего не изменилось; повода задержать следующий выход не было. Укол как укол. Хорошо сделанный.

С той стороны мать коротко кивнула.

Кристина развернулась к линии и поправила шнур, хотя он не мешал. Секунды на табло стояли. Две минуты восемнадцать. Времени достаточно. Яна теперь ждёт второго отступления — значит, нужно не отступить вовсе, встретить на другом расстоянии. Ей хотелось немедленно показать, что она поняла. Именно немедленно; эта поспешность казалась ясностью.

Она пошла вперёд раньше, чем стоило. Яна приняла движение, отдала немного дорожки, потом ещё. Кристина видела, как можно достать её в плечо. Осталось только распрямить колено сильнее.

Чужое остриё встретило её под рукой.

Тринадцать — тринадцать.

— Давай, Крис, — сказал отец.

Он стоял у стены рядом с человеком в красной куртке. Кристина только теперь заметила, что отец пришёл: обещал не успеть раньше двух. На шее у него висел фотоаппарат, одной рукой он придерживал длинный объектив, другой неловко помахал, как будто она увидела его из окна автобуса.

От этого сделалось хуже. Мать, вероятно, заметила его ещё до перерыва. Они оба находились в одном зале, в нескольких метрах от неё, и никто не стоял за её стулом.

Кристина сняла маску на секунду, вытерла лоб рукавом. Судья посмотрел вопросительно.

— Всё, готова.

Она натянула маску обратно.

Следующее сближение Яна начала почти так же, как предыдущее. Кристина не пошла за ней. Поддержала расстояние, заставила остановиться, перевела остриё к кисти. На секунду всё снова стало понятным. Девушка напротив подняла руку чуть выше, чем обычно. Можно было рискнуть в ногу — тот же укол, которым Кристина уже достала её после перерыва.

Она рискнула.

Яна убрала стопу.

Кристина поняла это ещё до лампы: слишком знакомым получилось приготовление, она сама его выдала. Чужой клинок выпрямился навстречу, и наконечник упёрся в плечо, скользнул по плотной ткани. Кристинино остриё щёлкнуло по дорожке.

Тринадцать — четырнадцать.

Под маской стало жарко. Она услышала, как дышит. Откуда-то доносился весёлый разговор про забытый зарядник; люди смеялись, хотя её бой ещё не закончился.

Надо было снова начать с простого. Два движения на проверку, не отдавая руку. Яна тоже устала. Она не каменная, она недавно сама подарила два укола, и в её стойке появилось что-то тяжёлое. Кристина смотрела на колени соперницы, на её переднюю стопу, старалась вернуть себе всё, что ещё минуту назад умела.

— Готовы?

Она кивнула.

Первые шаги получились хорошими. Яна подалась назад, не успев поднять остриё. Кристина могла продолжить. Вместо этого она услышала внутри короткое материнское «не договняй» и решила, что сейчас именно этого от неё ждут: примет повторное приглашение, бросится, получит. Она задержала атаку на одно движение.

Яна тут же забрала расстояние обратно.

Кристина увидела белый рукав совсем близко. Свою руку вытянула поздно. Острия стукнулись о костюмы, но загорелась только Янина лампа.

— Стой. Пятнадцать — тринадцать. Бой окончен.

Кристина стояла ещё секунду, прислушиваясь к аппарату, будто он мог подать второй сигнал с запозданием. Потом сняла маску. Яна тяжело выдохнула и закрыла глаза.

Сначала надо было закончить всё как положено. Кристина подняла шпагу, приветствуя соперницу и судью. Яна ответила, обе подошли друг к другу. Ладонь у Яны была горячей и мокрой.

— Хороший бой, — сказала она.

Кристина кивнула. Ничего лучше не нашлось.

Мать уже поднялась со стула. Теперь можно было увидеть, как сильно она удерживала себя последние две минуты: разгибалась медленно, провела рукой по затылку, потом улыбнулась. Открыто, с удовольствием. Кристина сотни раз видела эту улыбку после собственных побед. Обычно мать следом поднимала глаза на неё.

Яна повернулась к тренеру.

— Я думала, она успеет.

— Ты пошла. Наконец пошла до конца.

Кристина стала отстёгивать шнур. Крючок зацепился за край куртки. Она дёрнула сильнее, чем нужно. Судья, собиравший протокол, попросил освободить дорожку; следующий бой уже ждал. Кристина подняла маску, вторую шпагу, полотенце. Бутылка покатила под стул.

За водой наклонилась мать.

— Крис.

Она протянула бутылку горлышком вперёд.

— Спасибо.

— Ты в конце сама себя остановила.

Кристина взяла воду.

— Я заметила.

— Там надо было...

— Мам, у тебя спортсменка ждёт.

Мать посмотрела на неё. Улыбка исчезла не сразу; от этого перехода лицо стало особенно чужим.

— Я вижу.

— Тогда иди.

Она произнесла это спокойно. Почти вежливо. Так можно было попросить человека не задерживать очередь. Кристина сложила полотенце поверх маски и пошла вдоль стены, стараясь держать обе шпаги наконечниками вниз, чтобы не задеть проходящих.

В раздевалке пахло дезодорантом и влажными носками. На скамейке сидела женщина лет тридцати, расшнуровывала ботинки и кому-то рассказывала по телефону, что освободилась раньше, чем ожидала.

— Да, уже всё. Нет, не завтра. Сегодня. Я же сказала, вылетела.

Кристина села в другом конце. Начала расстёгивать куртку, не сняв перчатку, снова рассердилась и стянула её зубами. Под защитой прилипла футболка. Она отлепила ткань от живота и посмотрела на красную точку возле плеча. След последнего укола почти не отличался от остальных.

Телефон лежал в боковом кармане сумки. От Грачёва было короткое сообщение: «Как прошла группа?» Он отправил его утром, когда Кристина разминалась. Она так и не ответила.

Теперь написала: «В четверти проиграла Лукиной. 13:15».

Добавила: «Сама отдала конец».

Подумала и стёрла вторую фразу. Ей хотелось, чтобы Валентин Игоревич спросил почему. Тогда можно было объяснить всё сразу, начиная с того, у какого стула сидела мать. Но он вполне мог спросить только, кому Яна проигрывала в группе, или попросить запись, а Кристина пока не хотела видеть этот бой ещё раз.

Женщина на скамейке закончила разговор.

— У вас зарядки нет случайно?

— Какой?

— Вот такой. — Она показала телефон.

Кристина полезла в сумку. Зарядка нашлась под тапочками. Она протянула провод, и женщина так обрадовалась, словно это было существеннее проигранного боя.

— Спасибо огромное. А то муж сейчас приедет и встанет не с той стороны. Мы уже один раз так встретились. Сорок минут друг друга ловили вокруг здания.

Кристина неожиданно фыркнула.

— Мой папа однажды на другой вокзал приехал.

— В Москве?

— Здесь. На автовокзал. Я поездом.

— Хорошо, что не в другом городе.

Женщина устроила телефон на подоконнике. Кристина разделась, обтёрлась полотенцем, надела джинсы. Когда влезала в свитер, лицо на несколько секунд оказалось в темноте тёплой шерсти, и там, куда никто не смотрел, у неё дрогнул рот. Она торопливо протолкнула голову в ворот.

Плакать она не собиралась. Но застегнула сумку со второго раза.

* * *

Отец ждал у раздевалки с двумя стаканчиками кофе. Один держал пальцами за край, другой обхватил через сложенную салфетку. Вид у него был страдающий.

— Я не знал, какой ты пьёшь теперь.

— Любой.

— Тогда этот. Второй сладкий. Я себе уже размешал.

Кристина взяла стаканчик. На пене дрожало коричневое пятно.

— Ты когда пришёл?

— К перерыву почти. Парковался долго. Как обычно, все приехали первыми.

Они отошли к окну. За стеклом школьники пинали каштаны возле невысокого забора. Сентябрь стоял сухой, ясный; на солнце можно было ещё ходить в одной кофте. Кристина пожалела, что принесла в зал большую куртку. Теперь её придётся везти обратно ненадетой, и мать обязательно предложит переложить что-нибудь в пакет.

— Покажешь фотографии?

Отец оживился. Поставил свой стаканчик на подоконник, поднял аппарат. На экране появились её ноги, чужая спина, судья в момент, когда закрывал лицо ладонью. Кристина листала медленно.

— Пап, это ты художественно?

— Это я человека в красной куртке обходил.

На следующем снимке она стояла в выпаде, вытянутая почти горизонтально. Лицо скрывала маска; рука уходила вперёд так далеко, что Кристине на секунду понравилось собственное тело, обычно ощущавшееся по частям: отдельно ноющие бёдра, отдельно спина, отдельно пальцы.

— Вот эту пришли.

— Это тот, который в ногу?

— Да.

— Красиво было.

— Угу.

Она вернула аппарат. На ноге от пота чесалась полоска под коленом. Кристина потёрла её через джинсы.

— Ты специально не подходил?

Отец понял не сразу.

— К дорожке?

— Да.

— А что я там скажу? Ты же сама раньше просила не стоять над душой.

Она действительно просила. В прошлом году, после одного особенно глупого поражения, сказала, что он нервирует её своим лицом, будто она на экзамене и вот-вот испортит ему отпуск. Отец тогда обиделся, но больше не подходил.

— Всё правильно, — сказала Кристина. — Забудь.

Он снова взял кофе. Попробовал, поморщился.

— Остыл уже. Я думал, ты быстрее переоденешься.

Из зала вышла мать. За ней шла Яна, на ходу надевая спортивную кофту поверх формы. Кристина невольно выпрямилась.

— Аркаш, ты здесь, — сказала мать. — Я тебя видела. Подожди, не уходите. У Яны сейчас полуфинал, потом можно вместе...

— Я к тебе домой не поеду, — перебила Кристина.

Она собиралась сказать иначе. Не при Яне. Просто сообщить, что хочет сначала отнести вещи в гостиницу, поест без чужого соревнования на столе. Но слово «домой» вышло уже готовым, неприятно громким.

Отец опустил стаканчик.

— Крис, мы же на завтра договаривались.

Мать смотрела на дочь.

— Сегодня я и не звала. Я про кофе после турнира.

За её плечом Яна отступила на полшага. В этой маленькой попытке исчезнуть было что-то невыносимое: Кристина мгновенно оказалась человеком, от которого надо беречься.

— Тогда извините, — сказала она.

— Не надо так, — произнесла мать.

— Как?

Отец тихо тронул Кристинину сумку.

— Дай я понесу. Тяжёлая.

— Не тяжёлая.

Яна посмотрела в сторону зала.

— Маргарита Павловна, мне размяться надо. Я пойду.

— Иди. Только не садись там.

Девушка кивнула и ушла. Из-под короткой кофты выглядывал край белой фехтовальной куртки. Кристина проводила её взглядом.

Мать помолчала, потом спросила:

— Ты чего от меня ждала?

Очень простой вопрос. Кристина могла бы ответить, если бы его задали вчера. Вчера всё представлялось легко: встретятся на турнире, мама будет занята, потом обнимет её, они немного поспорят о технике, вечером Кристина пойдёт с отцом есть что-нибудь вредное. Сама возможность их с Яной боя в этом плане присутствовала как строка в сетке. Ничего личного не обещала.

— Что ты отойдёшь, — сказала Кристина.

Мать убрала руки в карманы спортивных брюк.

— Я веду её.

— Я знаю.

— Она работает со мной. Весь год.

— Мам, я знаю, кто такая Яна.

— Тогда почему я должна была отойти?

Кристина посмотрела на отца. Тот стоял, держа стаканчик обеими руками. Не подсказал. Ей захотелось потребовать, чтобы он хоть сейчас сказал что-нибудь в её защиту, и она поняла, насколько некрасиво это будет.

— Потому что я твоя дочь.

Из зала позвали Лукину. Мать повернула голову на голос и снова посмотрела на Кристину.

— Я после её боя подойду.

— Не надо.

— Крис.

— Ты иди. Правда.

На этот раз она постаралась сказать без колкости. Мать медлила ещё секунду, потом ушла. Кристина смотрела ей вслед, пока дверь не закрылась.

Отец взял у неё пустой стаканчик.

— Есть хочешь?

Она кивнула.

— Пойдём. Я возле машины булочную видел.

— Ты же знаешь эту булочную двадцать лет.

— Тем более. Проверенная.

Он всё-таки забрал её сумку. Кристина не стала удерживать. У выхода ей пришлось пропустить мальчика с чехлом почти в его рост; чехол бился о косяки, мальчик ругался шёпотом и тащил его за собой с таким упорством, что отец придержал дверь обеими руками.

На улице солнце ударило в глаза. Кристина остановилась, достала телефон и дописала Грачёву: «Мама вела её против меня. Я думала, мне всё равно».

Ответ пришёл, когда они уже подошли к машине.

«Во вторник разберём бой. Сегодня поешь».

Кристина показала сообщение отцу.

— Вы с ним сговорились?

— Взрослый человек, — сказал отец с уважением.

Она засмеялась. Смех вышел коротким и некрасивым, но отец тоже улыбнулся. Он положил шпаги на заднее сиденье, придерживая их так осторожно, будто они могли обидеться, и пошёл за булочками.

Кристина осталась возле машины. Из приоткрытого окна зала донеслись команды. Она не могла различить голос матери, хотя ещё несколько минут назад узнавала её кашель среди всех остальных звуков.

Глава 2. Коробки до потолка

Бронзовая медаль стукнула Яну по колену, когда она протискивалась между стойкой и мешком с возвратами. Она сунула её глубже в карман, сняла куртку и посмотрела на коробки, выросшие за день возле стены.

— Это всё сегодня?

Костя не обернулся. Стоял на маленькой стремянке, прижав к животу сразу три пакета, и пытался прочесть номер на верхнем.

— Нет. Это я из дома принёс. Чтобы тебе не скучно было.

Она поставила чехол вертикально за шкаф, подперла сумкой. В пункте выдачи было жарко. На улице люди ходили в куртках, здесь хотелось открыть дверь настежь, но тогда по полу летели листья и заходили голуби: один уже научился ждать возле порога, будто у него тоже был заказ.

— Успела, — сказала Яна.

— Я заметил. Ты без пятнадцати. Ещё можешь передумать.

Костя спустился. На нём была тёмная рубашка вместо обычной футболки; рукава он подвернул так тщательно, что ткань легла ровными толстыми валиками. Яна вспомнила про день рождения его девушки.

— Иди. Я разберу.

— Сейчас смену передам. Не геройствуй.

Он показал на пакет возле компьютера, на стопку оформленных возвратов, на коробку с продавленным углом, которую надо было отдельно проверить. Говорил быстро и старался выглядеть спокойным. Телефон на стойке несколько раз зажигался. Яна видела женское имя и обрывки сердитых сообщений, но вчитываться не стала.

— Во сколько тебя ждут?

— В семь. Ещё за цветами.

— Тогда правда иди.

Костя наконец посмотрел на неё.

— Ну? Чего молчишь? Выиграла?

Яна вынула медаль. Лента вылезла из кармана смятой петлёй.

— Третья.

— Ух ты. А почему тогда такая?

— Какая?

— Как после смены, а не до.

Она улыбнулась. Полуфинал закончился двенадцать — пятнадцать; последние два укола Яна отдала, слишком рано поверив, что поняла соперницу. Потом долго сидела возле сумки, злилась и ждала награждения. Маргарита Павловна сначала не трогала её, потом принесла банан и сказала, что бронза тоже результат. Яна съела банан с таким выражением, будто соглашалась на что-то унижительное.

Теперь медаль лежала в ладони, тёплая, с круглой наклейкой посередине. Костя потрогал её пальцем.

— Настоящая.

— А я тебе шоколадную обещала?

— Можно было бы разделить. Так ладно, поздравляю.

Он потянулся пожать ей руку, вспомнил, что держит сканер, переложил его, и они неловко стукнулись ладонями. От этого короткого поздравления Яне стало легче, чем от всех разумных слов после полуфинала. Костя не знал, сколько у неё было поражений, кого она обыг-

рала в четверти и почему мать одной спортсменки вышла из коридора с таким лицом. Третье место ему казалось хорошим само по себе.

— Сфотографируй, — попросила она.

— Тут?

— Да. Только вот мешок убери из кадра.

Костя отступил к двери. Яна встала между стойкой и коробками, подняла медаль двумя пальцами. На экране получилось, будто она продаёт найденную вещь.

— Не так, — сказал Костя. — Надень.

— Я уже снимала её сегодня раз пять.

— Тогда шестой будет счастливый.

Она надела ленту. Костя сделал ещё два снимка, один из них оказался удачным: Яна смеялась, потому что в дверь вошёл пожилой мужчина и спросил, можно ли ему тоже в очередь за наградой.

— Можно, — ответила она. — Только сначала код.

Мужчина долго искал телефон в карманах. Костя забрал свою куртку, показал большой палец и ушёл. Яна проводила его взглядом до двери. Потом сняла медаль, повесила на ручку шкафа и попросила мужчину увеличить яркость экрана.

Работа пошла сразу. Женщина с двумя детьми примеряла три одинаковые куртки, различавшиеся только размером. Один ребёнок всё время открывал чужую кабинку, другой лежал на скамейке и гудел, как маленький сломанный прибор. Девушка забрала тяжёлый пакет с наполнителем для кошачьего туалета, взвалила его на плечо и отказалась от помощи. Мужчина спорил с телефоном, уверяя, что деньги уже должны были вернуться, хотя возврат оформлялся только сейчас.

Яна отвечала, находила, сканировала, снова уходила между стеллажами. В левой ягодице тянуло после выпадов. Каждый раз, поднимаясь на нижнюю ступеньку стремянки, она чувствовала это отдельно от всего остального тела.

Чехол мешал. Кто-нибудь обязательно скажет, что нельзя приносить на работу личные вещи такого размера. Яна переставила его за дверь кладовки, потом вернула: дверь перестала открываться до конца. В итоге уложила вдоль стены под нижней полкой. Клинки тихо звякнули внутри, и ей стало жалко их, будто после хорошего выступления они заслуживали лучшего места.

В половине седьмого пришла женщина за детскими сапогами. Код она продиктовала, не отрываясь от разговора по телефону. Яна нашла коробку, поставила перед ней, повернулась к следующему человеку. Через минуту женщина позвала её обратно.

— Девушка. Это вообще что?

Вместо сапог в коробке лежали маленькие блестящие туфли.

Яна взяла упаковку, посмотрела на этикетку. Номер заказа совпадал. На фотографии в системе были резиновые сапоги с жёлтой подошвой. Она проверила ещё раз.

— Внутри перепутано. Можно оформить возврат.

— Мне завтра ребёнка вести в сад.

В воскресенье сад не работал, но Яна не стала об этом говорить. Женщина могла перепутать день, могла иметь в виду понедельник; усталость была видна по тому, как она держала сумку — всей рукой, прижимая к боку, словно боялась выпустить хоть одну вещь.

— Понимаю. Давайте оформлю.

— Вы понимаете? Я три дня ждала. Старые малы. У него пальцы вот так уже.

Женщина согнула собственные пальцы. Яна кивнула и потянулась к коробке.

— Подождите. Мне надо сфотографировать.

За её спиной выросла очередь. Молодой человек с наушниками переступил с ноги на ногу. Ребёнок на скамейке снова загудел. Яна чувствовала, как поднимается знакомое раздражение: всё понятно, действие есть, почему нельзя его выполнить и идти дальше.

Женщина фотографировала туфли сверху, сбоку, вместе с этикеткой. Потом стала набирать длинное сообщение продавцу.

— Я могу пока следующего выдать? — спросила Яна.

— А со мной вы закончили?

— Пока вы пишете...

— Понятно. У вас главное — побыстрее избавиться.

Яна опустила руки на стойку. На правом большом пальце засох клей от пластыря. Она потёрла его указательным, остановилась.

— Я никуда вас не отправляю. Можно стоять здесь. Я просто человеку пакет отдам, он уже готов.

Женщина посмотрела на очередь. Лицо у неё изменилось — не смягчилось, скорее устало ещё сильнее.

— Отдавайте.

Яна выдала пакет, ещё один, вернулась к туфлям. Женщина молча протянула телефон с открытым сообщением.

— Так нормально написано?

Яна прочла. Там было три сердитых предложения, ни одного ругательства и фотография маленькой жёлтой подошвы, взятая из карточки товара.

— Понятно, что произошло. Отправляйте.

Женщина нажала на кнопку и вдруг спросила:

— А это ваша медаль?

Яна обернулась к шкафу.

— Моя.

— За что?

— За фехтование.

— Господи. И вы здесь после этого стоите?

В вопросе не было ни жалости, ни восхищения, только удивление неправильному порядку вещей. Яна улыбнулась.

— Мы не каждый день медали получаем. Иногда надо поработать.

Женщина впервые улыбнулась в ответ.

— Я бы сегодня всем туфли выдавала. Ничего бы не соображала.

Когда она ушла, Яна сняла медаль с ручки и убрала в сумку. Ей было приятно, что спросили. Но ещё несколько таких вопросов — и пришлось бы весь вечер объяснять, почему одно занятие её жизни не отменяет другого.

К восьми очередь рассосалась. Яна сделала себе чай в высокой кружке с чужим логотипом, достала принесённый из дома контейнер. Рис с курицей успел слежаться в плотный угол. Она ела стоя, двигая мышку свободной рукой, пока не вспомнила, как Маргарита Павловна ругает её за еду на ходу. Села на стул. Через полминуты пришёл новый человек.

Мама прислала в ответ на фотографию пять одинаковых сердечек и вопрос: «Почему среди коробок?»

Яна написала: «На работе».

«Я вижу, что на работе. Почему не в зале сфотографировалась?»

Она хотела ответить, что в зале фотографировали всех и пришлют позже, но позвонил Пётр.

— Чемпионка, — сказал он.

— Третья чемпионка.

- Это самая устойчивая. На трёх ногах всё стоит.
- Яна отошла к двери в служебную часть. Отсюда был виден вход.
- Как твой день?
- Я велосипед разобрал.
- Зачем?
- Хотел починить.
- По-моему, обычно наоборот.
- Завтра будет наоборот. Сегодня важный этап.

Она представила его на полу, с чёрными от смазки пальцами, среди деталей, которые он раскладывал в крышки от пластиковых коробок. В их первую зиму Пётр так же разобрал настольную лампу у неё в общежитии. Починил, но после этого выключатель работал в обратную сторону. Яна долго шутила, что он освещает её жизнь вопреки надписям.

- А я выиграла у Кристины Дроздовой, — сказала она.
- Это дочь?
- Да.
- Он помолчал.
- Тренер что?
- Была со мной.
- Нормально.

Яне хотелось рассказать про второй шаг, про тринадцать — одиннадцать, про момент, когда она наконец поняла, что Кристина ждёт от неё погони. Слова уже стояли во рту, быстрые, радостные. Но в зал вошла новая посетительница, и Яна сказала в трубку:

- Подожди секунду.

Выдала тяжёлую коробку, помогла поставить её на пол. Пётр терпеливо дышал в телефоне.

- Всё. Ты тут?
- Да. Я хотел про следующие выходные спросить. Ты сможешь?

Они собирались увидеться в Брянске. Не на пару часов между автобусами: Яна обещала приехать в субботу утром, переночевать у родителей и в воскресенье пойти с ним куда-нибудь без спортивной сумки.

Она посмотрела на расписание смен, прикреплённое возле монитора. С работы можно было уйти. С тренировкой предстояло договариваться.

- Думаю, да.
- Мне надо знать. Меня зовут помочь в воскресенье, я пока не ответил.
- Я завтра точно скажу.
- Яна.

Он редко произносил её имя так, целиком, без шутки. Обычно когда она третий раз обещала уточнить уже обещанное.

- Я приеду, — сказала она. — Суббота и воскресенье. Только вечером обратно.
- Вот. Я это и спрашивал.

Посетительница позвала Яну: не могла вынуть тяжёлую вещь из упаковки. Яна прижала телефон плечом, услышала, как Пётр начал что-то рассказывать про велосипед, и поняла, что опять слушает его наполовину.

- Петя, я после десяти наберу. Ладно? Сейчас не получается.
- Давай. Только я могу уже уснуть.
- Тогда завтра.

Он не ответил сразу, потом сказал:

- Ещё раз с медалью. Я правда рад.

Она поблагодарила и убрала телефон. Хорошее чувство осталось, но рядом с ним появилось другое, маленькое и упрямое: он не спросил, как именно она выиграла.

* * *

Дома Лиза сидела на полу возле дивана и распарывала рукав зелёного пальто. Перед ней лежала кучка ниток, похожая на скошенную траву. Телевизор работал без звука.

— Не наступай, — сказала она вместо приветствия.

Яна замерла.

— Куда?

— Везде. Я иголку потеряла.

Она поставила сумку на стул, сняла обувь, осталась стоять на коврик в носках. Ноги гудели. День начался в семь утра и до сих пор не хотел закончиться.

— Ты медаль взяла? — спросила Лиза.

— Третье.

— Покажи.

Яна достала ленту. Лиза отложила пальто, посмотрела, потрогала край наклейки.

— Тяжёлая. Я думала, они легче.

— Там, наверно, вся моя удача.

— Тогда не теряй. Где сегодня вешаем?

— Нигде. В коробку положу.

У Яны уже было несколько медалей, выигранных ещё в Брянске, и две полученные здесь. Первые висели дома у родителей, на углу зеркала, пока мать не заявила, что больше не может нормально расчёсываться. Потом отец сделал узкую планку с крючками. В Смоленске Яна держала награды в коробке из-под обуви. Иногда это казалось взрослым отношением к делу, иногда — просто отсутствием своей стены.

Лиза поднялась, включила фонарик на телефоне и посветила вдоль пола.

— Нашла. Не двигайся.

Иголка лежала возле Яниной пятки. Лиза подняла её, воткнула в подушечку и наконец разрешила пройти.

— Я суп варила. Там на две жизни, ешь.

Яна заглянула в кастрюлю. Обычный суп с картошкой и чем-то красным, слишком густой, чтобы считаться первым. Она налила большую тарелку и села за стол.

Лиза вернулась к пальто.

— И ещё. Завтра ко мне человек придёт на примерку. Часов в одиннадцать. Ты можешь свой забор из коридора убрать?

Яна посмотрела на чехол и сумку, поставленные у двери.

— Могу.

— Ты всегда можешь. Я потом сама двигаю.

— Сейчас уберу.

— Доешь сначала. Я не зверь.

Суп был горячий. Яна вдруг поняла, насколько проголодалась, хотя рис на работе тоже съела почти весь. После нескольких ложек руки перестали дрожать от усталости.

Лиза спросила, кого она сегодня победила. Яна рассказала. Сначала коротко, потом всё-таки стала объяснять второй шаг, вытянула под столом ногу, показала ладонью остановку.

— То есть она тебя заманивала, — сказала Лиза.

— Да. А я всё время шла.

— И перестала.

— И перестала.

— Слушай, мне это тоже надо. Для клиенток, которые «ещё вот здесь немножко».

Яна засмеялась. Лиза продолжила распаривать рукав, и можно было спокойно договорить весь бой: никто не переводил разговор на маму Кристины, на работу, на расписание автобусов. К концу Яна сама увидела, как много сделала без подсказки. Совет был один, а попадать приходилось ей.

Она доела суп, вымыла тарелку. Убрала чехол в комнату, разложила на сушилке влажную форму. Белая куртка заняла почти всю перекладину; Лизина блузка оказалась прижата к стене. Яна переставила вещи, освободила соседке место.

Пётр уже не ответил на звонок. Она написала: «Доехала. В следующие выходные буду. Хочу велосипед после важного этапа увидеть».

Потом открыла фотографию, сделанную Костей. Между коробками стояла усталая девушка с красными щеками и медалью, которую держала так, чтобы было видно наклейку. В углу кадра торчал мешок с возвратами: убрать его из снимка всё-таки не получилось.

Яна хотела обрезать край, попробовала, вернула как было. Послала фотографию отцу отдельно от семейного чата.

«Это я сегодня», — написала она.

Он ответил почти сразу: «Вижу. Молодец, Янка».

Яна поставила телефон на зарядку и легла, не дожидаясь, пока станет совсем тихо. За стеной Лиза что-то искала, вздыхала, снова двигала стул. Яна закрыла глаза. На этот раз она вспоминала не проигранный полуфинал, а короткое движение вперёд, которое успела сделать раньше Кристины. В нём до сих пор оставалось удовольствие.

Глава 3. Пока открыт зал

В воскресенье первым пришёл Федя. Снял ботинки, поставил их носками к стене, как требовала бабушка, и объявил, что сегодня не будет проигрывать.

— Кому? — спросила Маргарита Павловна.

— Никому.

— Хороший план. Раздевайся.

Бабушка задержалась в дверях. На ней была тонкая бежевая куртка, застёгнутая до подбородка, хотя на улице потеплело. Она держала в руках пакет со сменной обувью внука и не отдавала.

— Вы на него сегодня поостроже, — сказала она вполголоса. — А то вчера устроил. Из-за какой-то игры. Швырнул всё.

Федя, уже успевший снять кофту, застыл спиной к ним.

— Мы сейчас позанимаемся, — ответила Маргарита.

— Нет, вы ему объясните, что так нельзя. Он вас слушает.

— Пакет ему дайте. У нас разминка начинается.

Бабушка поджала губы, но обувь отдала. Федя унёс её в раздевалку, ступая по холодному полу в одних носках. Маргарита подождала, пока он скроется за дверью, и только тогда спросила:

— Во сколько заберёте?

— В двенадцать, как всегда.

— Хорошо. Я его выведу.

Бабушка ушла, явно не получив обещанной воспитательной услуги. Маргарита посмотрела ей вслед без раздражения. У неё самой был такой голос, когда Кристина в детстве отказывалась делать уроки после тренировки: надо найти взрослого, чьё слово ещё действует, и передать ему ребёнка вместе со всем своим бессилием. Правда, в их случае этим взрослым снова оказывалась она.

Остальные набегали за десять минут. Сумки бросали возле скамейки, спорили, кто вчера выиграл, показывали друг другу картинки в телефонах. Маргарита хлопнула в ладони один раз.

— Убрали. В круг.

Двенадцать человек собрались не сразу. Самая маленькая девочка, Злата, никак не могла расстегнуть липучку на новом кроссовке. Федя присел перед ней, отодрал липучку одним рывком и тут же занял место рядом с самым высоким мальчиком, чтобы тот не успел оказаться первым.

Маргарита заметила и промолчала.

Они разогреблись, побегали, начали делать шаги по хлопку. Когда хлопок был один, требовалось двинуться вперёд; когда два — назад. Федя постоянно начинал раньше, угадывал, ошибался и злился. Маргарита замедлила темп. Остальные тоже перестали торопиться; в зале стало слышно, как подошвы дружно шуршат по полу.

— Теперь смотрим на меня. Руки свободно. Я вас ещё не обманываю.

— А потом будете? — спросила Злата.

— Конечно. Для этого и пришла.

Дети засмеялись. Федя тоже, но сразу оглянулся на высокого мальчика и снова сделался серьёзным.

Позже, когда они надели защиту и разделились по парам, он дважды полез вперёд с такой силой, будто должен был вытолкнуть соперника из зала. Получил встречные уколы, потребовал проверить аппарат. Аппарат работал. Тогда Федя сказал, что у него слишком короткая рука.

— Снимай маску, — велела Маргарита.

Он побледнел. Остальные продолжали упражнение под присмотром Наташи. Маргарита отвела его к скамейке.

— Покажи.

— Что?

— Руку. Которая короткая.

Он неохотно вытянул правую. Маргарита поставила рядом свою ладонь.

— Правда короче. А голова у тебя больше моей или меньше?

Федя посмотрел на неё с подозрением.

— Меньше.

— А думает хорошо.

Он отвернулся.

— Вы смеётесь.

— Нет. Долбишься в закрытую дверь. Получил — и опять туда же. Что Ваня делает перед тем, как тебя достать?

— Колется.

— До этого.

Федя молчал. Маргарита не стала помогать. Подождала, пока он посмотрит на соседнюю пару. Высокий Ваня в это время отрабатывал движение с Наташей: совсем немного поднимал руку перед встречным уколом, почти незаметно, если смотреть только на наконечник.

— Локоть, — сказал Федя.

— Что локоть?

— Поднимает.

— Вот. Теперь попробуй увидеть. Не выиграть сразу. Только увидеть.

Он взял маску. Упрямое выражение осталось, но стало рабочим. Маргарита вернула его в пару, дождалась двух подходов. На втором Федя остановился вовремя, удержал расстояние и пропустил чужой клинок мимо. Собственный укол нанёс неловко, слишком высоко, зато после него подпрыгнул так, что чуть не запутался в шнуре.

— На место, — сказала Маргарита, пряча улыбку. — Один укол — ещё не свадьба.

— Какая свадьба?

— Моя. Если доработаете спокойно, может, доживу.

Наташа повернулась к ней и беззвучно рассмеялась.

К концу занятия Федя всё-таки проиграл. Четыре — пять в коротком тренировочном бою, который они заранее договорились закончить на пятом уколе. Маску он снял сердито, но положил на скамейку. Маргарита увидела, как напряглись пальцы, прежде чем он разжал их.

Бабушке у двери он сказал:

— Я видел локоть.

— Какой ещё локоть? Ты сегодня нормально себя вёл?

— Он хорошо работал, — ответила Маргарита. — До четверга.

Когда дверь закрылась за последними детьми, Наташа принесла два забытых носка и положила возле чайника.

— Семейная пара, — сказала она. — Разлучать нельзя.

Они сели на скамейку. Маргарита сняла тренировочную обувь, пошевелила пальцами ног. Косточка у большого пальца к вечеру ныла даже в мягких кроссовках. Сейчас была только середина дня, а ей уже хотелось пройтись босиком.

— Вчера твоя Яна молодец, — сказала Наташа.

— В полуфинале полезла без головы.

— Я про четверть.

Маргарита посмотрела на пустую дорожку.

— Да. Там хорошо сделала.

— Кристина обиделась?

— Ты же видела.

Наташа пожала плечами.

— Я видела, как она вышла. Обидеться можно на всё сразу, оттуда не разберёшь.

Маргарита хотела сказать, что дочь сама выбрала своего тренера. Фраза была удобная и справедливая. Она уже произносила её Аркадию вчера вечером, пока тот резал хлеб; Аркадий слушал, потом спросил, будет ли она есть помидоры. Ответа, который ей требовался, не дал.

— Ты бы отошла? — спросила Маргарита.

Наташа повернулась к ней.

— Если бы мой сын с моей ученицей фехтовал?

— Ты поняла.

— Не знаю. Я своего четыре года учу полотенце вешать. Результат пока нулевой. До финалов далеко.

Маргарита усмехнулась, но Наташа осталась серьёзной.

— Рит, я правда не знаю. Могу тебе сейчас красиво ответить. Тебе легче станет?

— Нет.

— Слушай, про четверг. Подмены не будет. У сына собрание, я уже два пропустила.

Маргарита нахмурилась.

— Мы же договаривались.

— Мы обсуждали. Я сказала, уточню.

Она действительно сказала именно так. Маргарита помнила, но успела превратить это в готовое согласие и теперь чувствовала несправедливость отмены, которой не было.

— Ладно. Передвину индивидуальные.

— Спасибо.

Наташа собрала вещи и ушла. Маргарита ещё немного посидела в пустом зале. На стене висело старое объявление о наборе. На фотографии к нему стояла девочка лет девяти, лицо наполовину заслоняла маска; снимок был сделан до ремонта, у синей стены. Девочка давно выросла и работала парикмахером, однажды подстригла Маргариту со скидкой. Объявление всё ещё приводило новых детей.

Она достала телефон. От Кристины сообщений не было. От Аркадия — список из четырёх продуктов и вопросительный знак.

Маргарита ответила: «Куплю. К пяти успею».

Потом открыла вчерашнюю запись Яниного боя. Наташа снимала с неудобного места, люди несколько раз проходили перед камерой. На маленьком экране Кристина двигалась красиво. Маргарита видела её собранный корпус, раннюю руку, то, как она подбирала стопу перед выпадом. Это всё ещё была её дочь — сразу узнаваемая, даже если закрыть фамилию.

В конце второго периода Яна пыталась взять кисть и не успевала. Маргарита остановила запись, прокрутила назад. Ей захотелось снова войти в тот бой и подсказать раньше. Потом досмотрела до перерыва и услышала свой совет.

Голос оказался громче, чем она помнила.

Она выключила телефон.

* * *

Яна пришла без формы, в широком свитере, с мокрыми после душа волосами. Принесла небольшой пакет яблок и сразу предупредила, что они покупные: бабушкиного сада у неё нет.

— А я уже надеялась, — сказала Маргарита.

— Надеяться можно. Только яблоки всё равно из магазина.

Они сели возле стола. Яна достала телефон с записью полуфинала.

— Давайте вот это сначала. Я там после девяти вообще не понимаю, что делала.

Маргарите понравилось, что девушка сама принесла поражение. Она могла бы весь день ходить с медалью, собирать поздравления, показывать только четвертьфинал. Вместо этого ткнула пальцем в экран в том месте, где проигрывала девять — десять.

Они посмотрели несколько схваток. Яна каждый раз начинала слишком широко, словно хотела достать соперницу одним движением из другого конца зала.

— Ты здесь уже не терпела, — сказала Маргарита.

— Время видела.

— Время было. Ты счёт видела. Одного укола не хватало, и тебе показалось, что надо сразу два.

Яна поморщилась.

— Мне и сейчас так кажется.

Маргарита отложила телефон.

— Встань.

Девушка поднялась, машинально поставила ноги в стойку.

— Без шпаги. Дай ладонь.

Маргарита вытянула руку, Яна коснулась её пальцев. Тогда тренер отодвинула ладонь всего на несколько сантиметров. Яна тут же потянулась следом всем телом.

— Вот.

— Что?

— Ты уже ушла за мной. Я ещё ничего не сделала.

Они повторили. Маргарита то приближала, то убирала руку, заставляя девушку удерживать себя на ногах. Сначала Яна смеялась, потом сосредоточилась. На пятой попытке перестала ловить ладонь любой ценой и неожиданно поймала её, когда Маргарита сама приблизилась.

— О, — сказала она.

— О, — подтвердила тренер.

Яна снова попробовала. Получилось хуже. Она засмеялась, тряхнула руками.

— Всё. Теперь я поняла и потеряла.

— В понедельник найдём. Сегодня хватит.

Они сели. Яна покрутила яблоко в руке.

— Можно я в следующие выходные домой съезжу?

Маргарита посмотрела на неё поверх телефона.

— В Брянск?

— Да. В субботу и воскресенье. Я маме ещё не сказала, сначала вам...

— А Петру?

Яна улыбнулась виновато.

— Петру уже сказала.

— Значит, поезжай. У нас до ноября есть время. Только в пятницу утром сделаем нормальное занятие, чтобы не ехала после вечернего.

Девушка быстро кивнула.

— Я смену передвину.

— Посмотри сначала, можно ли. Не обещай за других.

Маргарита вспомнила разговор с Наташей, но вслух ничего не добавила.

Яна доела яблоко, выбросила огрызок и спросила, не надо ли помочь убрать дорожки. Тренер отказалась: вечером ещё была взрослая группа Наташи. Девушка стала собираться, у двери задержалась.

— Кристина сильно расстроилась?

Маргарита убрала телефон в карман.

— Проигрывать никто не любит.

— Я не про бой.

Она говорила осторожно, но смотрела прямо. Маргарите не понравилось, что вчерашнее уже вышло из их семьи и теперь требовало ответа человеку, которого это тоже касалось.

— Мы сами разберёмся, Ян.

— Хорошо.

Девушка кивнула и взялась за ручку. Маргарита окликнула её:

— Ты вчера честно выиграла.

Яна обернулась.

— Я знаю.

В её голосе на мгновение появилась резкость. Маргарита хотела сказать, что не имела в виду ничего плохого, но Яна уже улыбнулась обычной быстрой улыбкой.

— До понедельника. Я вечером по смене напишу.

Когда она ушла, Маргарита собрала мусор со стола. Пакет с яблоками оставила возле чайника. В коридоре лежал третий забытый носок, не похожий на первые два. Она подняла его, повесила на ручку шкафа и выключила свет в тренерской.

До семейного обеда оставалось меньше двух часов. В магазине нужно было купить сметану, хлеб, помидоры и кофе. Маргарита шла к остановке и повторяла этот короткий список, чтобы не начать заранее разговаривать с дочерью. Кристина ещё ничего не сказала. Можно было хотя бы до встречи дать ей помолчать.

Глава 4. Места за столом

В комнате Кристины пахло бумагой. На кровати лежали большие фотографии, на шкафу стояли ещё две коробки, а её старый медведь сидел на стуле лицом к стене, как провинившийся.

— Он что сделал? — спросила она.

Отец оглянулся.

— Кто?

— Медведь.

— Солнцем выгорает. Я его отвернул.

Кристина повернула игрушку к себе. Один пластиковый глаз был поцарапан, шов под лапой зашит тёмной ниткой. Она сама порвала его, когда вытаскивала из набитого чемодана перед сборами, и мать чинила в последнюю минуту тем, что нашлось. Нитка так и осталась чужого цвета.

— Пап, он двадцать лет выгорает.

— Поэтому ещё немного побережём.

Отец принёс из кухни полотенце, вытер руки и стал осторожно сдвигать снимки. Кристина остановила его.

— Не убирай. Я посмотрю.

Она пришла на полчаса раньше. Хотела побыть с отцом, пока мать в магазине или в зале, но теперь чувствовала неловкость собственного расчёта. Он приготовил ей тапочки, спросил, не замёрзла ли, полез доставать любимую кружку. Всё это делалось без отчётливой цели, и Кристина постепенно переставала ждать подвоха.

На первой фотографии мужчина в рабочей куртке придерживал перед собакой дверь магазина. На второй свет падал на пустые стулья в парикмахерской, и каждый стул выглядел так, будто человек только что встал. Третий снимок Кристина узнала: двор возле их дома, снятый из окна лестницы. Она проходила там сотни раз и никогда не замечала, как ярко осенью выглядит зелёный пластиковый стол на чужом балконе.

— Это ты все показывать будешь?

— Ещё не знаю. Нам дали стену, не вокзал. Надо выбрать.

— Кому вам?

Отец удивился.

— Я же рассказывал. Четверо нас. На работе Борис снимает, у него знакомая ведёт маленькое выставочное место. Договорились на ноябрь.

Кристина помнила слово «выставка», но, кажется, не придавала ему значения. У отца иногда возникали занятия: он покупал книги, выбирал объектив, ездил на рассвете с незнакомыми ей людьми. Всё это оставалось рядом с его основной ролью — папа, который встречает, чинит и спрашивает, когда приедешь. Теперь снимки занимали её кровать и требовали, чтобы на них посмотрели по-настоящему.

— Этот обязательно, — сказала она, показав на собаку.

— Почему?

— Он хороший.

— Хороший — это я понял. Чем?

Она присела на край кровати, не задевая бумагу.

— Собака сначала прошла, а потом оглянулась. Как будто благодарит. Только не по-человечески. Ей просто надо проверить, идёт он или нет.

Отец кивнул и отложил снимок отдельно. Кристине стало приятно, что её ответ что-то изменил.

— А маме какие нравятся?

- Она пока не выбрала.
- Вообще не смотрела?
- Смотрела. Говорит, все хорошие.

Он сказал это без упрёка, но Кристина услышала знакомое: человек ответил, не сделав того, о чём его просили. Ей захотелось объединиться с отцом против этого материнского «потом». Она уже открыла рот, но отец поднял следующий снимок и стал рассказывать, как полчаса ждал, пока автобус закроет ненужную вывеску.

Мать пришла без десяти пять. Кристина услышала её ещё из комнаты: зазвенели ключи, зашуршали пакеты, раздалось недовольное «ну куда он опять». В коридоре мешал отцовский штатив.

- Вовремя? — спросила Маргарита, заглянув к ним.
- Даже раньше, — сказал отец.

Она подошла к дочери, обняла. Кристина почувствовала щекой холодную ткань куртки и запах магазина — хлеб, мокрый картон, чьи-то духи. Мать задержала руку у неё на затылке, потом отпустила.

- Худенькая стала.
- Я такая же.
- Лицо осунулось.

Кристина посмотрела на отца. Он внимательно убирал фотографии в коробку.

- Мам, давай начнём с «привет».
 - Привет, — сказала мать. — Я тебя обняла вообще-то.
- Это прозвучало почти весело. Кристина решила принять.

На столе стояла запечённая курица, картофель, помидоры, нарезанные слишком крупно: так делал только отец. Мать стала перекладывать куски в другую миску, потом, заметив взгляд дочери, оставила. Села. Отец разрезал хлеб.

Первые десять минут говорили о дороге. Кристина рассказывала про женщину в поезде, которая всё время раздавала соседям огурцы и обижалась, когда отказывались. Мать вспомнила мужчину, возившего в купе ведро мёда; отец утверждал, что рядом с ним однажды ехали две индюшки, и обе были воспитаннее хозяина.

- В корзине? — спросила Кристина.
- Одна в корзине, вторая смотрела мир.
- Аркаш, не выдумывай.
- Я не выдумываю. Она высовывала голову.
- Это были гуси.

Отец посмотрел на жену с достоинством.

- Значит, воспитанные гуси. Сути не меняет.

Кристина смеялась, стараясь не уронить вилку. Мать тоже улыбалась. Можно было подумать, что вчерашнего не было, и в этом на несколько минут оказалось настоящее облегчение.

Потом мать спросила про ноябрьский турнир.

- Вы поедете?
- Он у нас в Москве. Я буду, да.
- Состав уже видели?
- Ещё рано.
- Там сильные обещают приехать.

Кристина положила вилку.

- Я не против сильных.

Мать подняла брови.

- Я разве сказала, что ты против?

Отец протянул дочери помидоры. Она взяла один кусок, хотя не хотела.

— Я просто спросила, — сказала Маргарита.

— Я просто ответила.

Тишина продержалась секунду. Кристина сама услышала, как легко к ней вернулась прежняя манера: ответить чуть точнее, чем нужно, чтобы другой почувствовал укол и не мог доказать, что его нанесли нарочно.

— Извини, — сказала она. — Я сегодня какая-то колючая.

— Профессия обязывает, — пробормотал отец.

Мать засмеялась первой. Кристина тоже не удержалась.

Телефон на подоконнике коротко завибрировал. Маргарита обернулась, прочла сообщение, взяла аппарат в руку. Кристина увидела имя Яны прежде, чем мать развернула экран.

— По работе, — сказала Маргарита.

— Я ничего не спросила.

— Ты посмотрела.

— Я умею смотреть, мам.

Отец откинулся на спинку стула. Дочь заметила это движение — усталое, совсем небольшое, — и ненависть к самой себе пришла быстрее, чем новое раздражение.

Мать ответила в телефоне и положила его экраном вниз.

— Она меняет смену, чтобы в пятницу утром позаниматься. Надо подтвердить время.

— Я поняла.

— Всё. Подтвердила.

Кристина кивнула и принялась отделять мясо от кости. Получалось плохо, нож был тупой. Мать потянулась помочь, но остановилась. Теперь даже эта обычная попытка стала заметной, и от осторожности за столом делалось тесно.

— Я хотела тебя спросить, — сказала Кристина наконец. — Ты всегда будешь стоять с ней, если мы встретимся?

Отец посмотрел на жену. Маргарита вытерла пальцы салфеткой.

— Если я приехала вести её, то да.

— Даже против меня.

— Крис, у тебя есть тренер.

— Вчера его не было.

— Ты могла попросить кого-нибудь подойти.

— Я не об этом.

Маргарита хотела ответить сразу; Кристина увидела, как она набрала воздух. Потом мать медленно выдохнула.

— Ты хочешь, чтобы я вела тебя?

Вопрос застал врасплох. Кристина представляла себе спор, в котором мать признает, что было больно, и пообещает хотя бы в следующий раз отойти. Вместо этого перед ней поставили знакомую дверь: можно вернуться, занять прежнее место, снова получить всё внимание целиком вместе с его ценой.

— Нет, — сказала она.

Мать кивнула.

— Тогда я не понимаю, как ты это видишь.

— Может быть, просто не подсказывать, как меня достать.

— Я подсказывала ей, как ей действовать.

Кристина рассмеялась без радости.

— Это очень отличается.

Отец поставил стакан на стол.

— Можно я одну вещь скажу?

Обе посмотрели на него.

— У вас всё остыло. Я сейчас тарелки унесу, подогрею.

— Аркаш, — сказала мать.

— Что? Я утром её делал. Мне интересно, как получилось.

Кристина опустила глаза. На тарелке остывал кусок, который она почти не тронула.

— Хорошо получилось, пап.

— Спасибо. Это важная информация.

Он налил себе воды. Не улыбался. Кристина взяла вилку и заставила себя поесть. Мать тоже вернулась к своей тарелке. Некоторое время слышался только стук приборов.

Потом отец спросил, когда в Москве включили отопление. Кристина ответила, что у них ещё нет, но батареи и не нужны. Рассказала про соседку, которая купила электрическое одеяло и теперь не желает вылезать из кровати даже ради доставки. Мать слушала, иногда переспрашивала. Разговор снова пошёл, неровно, но пошёл.

К десерту они перешли в комнату. Отец достал фотографии, разложил на столе. Маргарита села рядом с дочерью. Снимок с собакой разглядывала дольше других.

— Этот хороший.

Отец посмотрел на Кристину. Та улыбнулась, ничего не сказала.

— Почему? — спросил он жену.

— Мужчина дверь держит. А сам смотрит в другую сторону. Даже не проверяет, поблагодарили его или нет.

Отец отложил снимок к выбранным. Кристина придвинулась к матери, чтобы лучше видеть.

В следующей пачке оказалась старая маленькая фотография. Мать сидела на траве возле палатки, босая, с картами в руках. На голове у неё была панама, губы поджаты, взгляд совершенно разбойничий.

— Это когда? — спросила Кристина.

— До тебя, — сказал отец.

— Я вижу. Ты тут счастливый.

— Я за кадром.

— Вот именно.

Мать взяла снимок.

— Господи, какие ноги.

— Нормальные ноги, — ответил отец.

— Колени грязные.

— Мы в палатке жили. Там не было паркета.

Кристина забрала фотографию. Мать на ней выглядела почти её ровесницей. Не моложе в привычном смысле — просто другой: ещё не знающей, что через много лет будет сидеть у дорожки и сдерживать лицо, пока её ребёнок пытается выиграть. Кристина присмотрелась к картам.

— Ты жульничала?

— Почему сразу я?

Отец выразительно посмотрел на потолок.

— Рита умела считать, какие карты вышли. Мы называли это жульничеством из зависти.

— Потому что проигрывали, — сказала мать.

В её голосе появилась та самая радость, которую Кристина вчера увидела возле Яны. Сейчас она принадлежала старой игре на траве, отцу, которого ещё не звали папой, и молодой женщине, хотевшей обыграть всех за этим воображаемым столом.

Кристина подержала снимок и положила обратно.

— Пап, мне вчерашний бой нужен. У тебя есть целиком?

— Нет. Я же фотографии делал.

Мать повернулась к ней.

— У меня есть. Наташа снимала.

— Пришли, пожалуйста.

— Сейчас?

— Когда удобно. Во вторник с Грачёвым разбирать будем.

Маргарита взяла телефон. Кристина ожидала какого-нибудь замечания о Валентине Игоревиче, но мать только нашла файл и начала отправку. Полоска медленно ползла по экрану.

— Там люди проходят, — сказала она. — В двух местах закрывают. Но конец видно.

— Хорошо.

— Я могу потом...

Мать не договорила. Кристина посмотрела на неё.

— Что?

— Ничего. Сначала сами посмотрите.

Отец принёс чай. Поставил чашки между снимками, опасно близко к белым полям. Маргарита тут же отодвинула свою. Кристина помогла собрать фотографии в коробку, оставив сверху собаку у двери.

Они ещё долго выбирали, какой снимок напечатать крупнее. Отец спорил, мать упиралась, Кристина меняла мнение. В какой-то момент Маргарита встала на её сторону против слишком тёмного кадра, и дочь испытала такое сильное облегчение, что пришлось спрятать улыбку в чашке.

Отец всё равно оставил тёмный снимок. Сказал, что хочет хотя бы одну вещь выбрать сам, раз выставка его. Мать пожала плечами, и спор закончился.

Глава 5. Вторая попытка

Грачёв смотрел запись без звука. Положил телефон на скамейку, прижал к стене свёрнутым полотенцем и устроился напротив на корточках. Кристина стояла рядом, уже в форме, и видела бой под таким углом, что собственная голова казалась непропорционально большой.

— Здесь остановите, — сказала она.

Он не остановил.

— Сейчас досмотрю.

На экране Яна нанесла двенадцатый укол. Кристина помнила, что именно в этот момент мать кивнула, но в кадре Маргариты Павловны не было. Была только девушка напротив, которая перестала её догонять, и её собственная рука, выданная вперёд слишком рано.

Грачёв досмотрел до конца, вернулся к началу третьего периода.

— В ногу хорошо.

— Спасибо.

— А здесь куда посмотрела?

Она знала, куда. На мать, сидевшую за другим стулом. На видео поворот головы занял меньше секунды.

— В сторону.

— Это я вижу. Ладно. Дальше смотри.

Он увеличил изображение. Часть дорожки пропала, остались две белые фигуры. Кристина пошла вперёд, остановилась слишком близко и получила.

— Тут ты сама выбрала расстояние, — сказал Грачёв. — Никто тебя не тянул. Зачем остановилась?

— Думала, она дальше пойдёт.

— Назад?

— Да.

— А она тебе обещала?

Кристина скривилась. Этот вопрос он задавал часто. Обычно она смеялась; сейчас хотелось ответить что-нибудь неприятное.

Грачёв поднялся, опираясь ладонью на колено. Взял со стены тренировочную маску.

— Показывай. Только сначала разогрейся нормально. Я пока Лёшу посмотрю.

Он ушёл к соседней дорожке. Разговор о матери, к которому Кристина готовилась всю дорогу, закончился, так и не начавшись. Она постояла возле телефона, выключила экран и принялась разминаться.

В зале было тесно. После ремонта осталось пять рабочих дорожек, одну ещё не подключили, и люди постоянно просили пропустить к розетке, отойти от стола, убрать сумку. У батареи сушилась чья-то майка. На подоконнике стояли четыре одинаковые бутылки, уже неизбежно перепутанные. Кристина знала здесь каждый выступ и всё равно иногда цеплялась ногой за край покрытия.

Мила Рощина пришла, когда Кристина делала выпады.

— Смоленская гастроль вернулась, — сказала она. — Где гостинцы?

— В желудке.

— Значит, гастроль удалась.

Мила сняла кофту, туго перевязала волосы. На левой руке у неё была татуировка — маленькая чёрная птица, почти скрытая ремешком часов. Она собиралась свести её уже второй год, но всякий раз находила более нужную трату.

— В четверти? — спросила она.

Кристина кивнула.

- Мне скинули таблицу. Лукина хорошо прибавила.
- Угу.
- Сильно не начинай меня за это ненавидеть. Мне сегодня с тобой работать.
- Я тебя и так ненавижу. Ты левша.
- Это оправдание я принимаю.

Мила сняла часы, надела перчатку. Они проверили оружие, подключились и встали напротив. С ней Кристине всегда приходилось внимательнее относиться к положению клинка: привычная картинка переворачивалась, знакомые проходы закрывались с другой стороны. Мила любила дать человеку почувствовать, что он уже понял её, и поменять движение именно тогда.

Первый короткий бой Кристина проиграла два — пять. Во втором повела три — один, затем позволила сопернице добраться до четырёх. Когда загорелись обе лампы, получилось четыре — пять, и Мила довольно сняла маску.

- Ещё?
- Кристина вытерла лицо.
- Ты специально ждёшь, пока я сама приду.
- Да. Ты очень воспитанная. Всегда приходишь.
- Грачёв подошёл с другой стороны.
- На что ты сейчас злишься?
- Что не попадаю.
- Ты попадаешь. Она раньше. Это разные задачи.

Он попросил Милу повторить последнее движение без скорости. Кристина посмотрела. Всё выглядело унижительно просто: пока она сама не подходила слишком близко, рука соперницы оставалась на удобном расстоянии. Потом Мила чуть меняла линию и забирала укол.

- Что ты сделала раньше: проверила руку или подошла? — спросил Грачёв.
- Подошла. Значит, раньше руку?
- А если на это приглашение вообще не идти? У тебя ноги для чего?

Мила с удовольствием ответила вместо неё:

- Красиво на фотографиях получаться.

Кристина толкнула её плечом. Грачёв отступил к краю, не мешая им посмеяться.

Они начали упражнение. Мила приближалась, меняя длину шага; Кристине нужно было сохранять расстояние, не уходя сразу в привычное длинное отступление. Первые несколько подходов она делала слишком старательно, словно по линейке. Мила легко ломала этот порядок. На пятом Кристина неожиданно для себя остановилась раньше, увидела, как чужая рука прошла чуть дальше нужного, и успела коснуться кисти.

- Вот, — сказал Грачёв.
- Случайно, — ответила Мила.
- Ещё раз случайно, — велел он.

Кристина попробовала повторить и получила в плечо. Потом ещё. Сдержала раздражение, вернулась к началу. Движение нельзя было просто забрать готовым, как удачный ответ в споре. Тело требовало повторений и каждый раз находило способ сделать что-нибудь привычное вместо нового.

Через десять минут Грачёв ушёл смотреть другую пару. Кристина проводила его взглядом.

- Не бросили тебя, — сказала Мила. — Тут кроме нас люди есть.
- Я знаю.
- Тогда маску надевай.

Они работали ещё. Когда устали настолько, что стало трудно изображать старательность, у Кристины начало получаться. Она перестала заранее назначать второй шаг длинным. Иногда

делала два коротких, иногда после первого двигалась вперёд, вынуждая Милу менять решение. Несколько раз промахнулась, один раз слишком близко подошла к краю, но постепенно перед ней снова появился человек, на которого можно воздействовать, а не стена с длинной левой рукой.

Следующий короткий бой она выиграла пять — три.

— Ну вот, — сказала Мила. — Теперь ты неприятная.

Кристина сняла маску и улыбнулась.

Грачёв подошёл к концу их работы. Спросил, что изменилось. Кристина попыталась объяснить словами, запуталась, показала ногами. Он кивнул.

— Завтра проверим на свежую голову. Сегодня не добивай.

Она уже отключила шнур, когда он задержал её у скамейки.

— Про мать я слышал, Крис.

Кристина опустила взгляд на застёжку чехла.

— Я не оправдывалась.

— Я и не говорю. Но за неё думать не умею. А вот этот конец боя мы можем изменить.

Ей хотелось получить больше. Какое-нибудь точное слово, от которого прошедшие выходные перестанут выглядеть так, будто она сама выставила себя ребёнком перед половиной знакомых. Грачёв такого слова не предложил. Взял полотенце с телефона, протянул ей аппарат.

— Ты её в том бою вообще видела?

— Кого?

— Лукину.

— Конечно.

— В начале — да. Потом у тебя там, по-моему, двое стояли.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Кристина посмотрела на остановленный кадр: Яна в маске, шпага чуть опущена, ноги широко расставлены. Обычная соперница. Сильная, уставшая, способная ошибиться. Кристина вспомнила её горячую ладонь после боя и короткое «хороший бой». Тогда это казалось почти издевательством. Сейчас можно было допустить, что девушка действительно была довольна тем, как они фехтовали.

Кристина сохранила запись в отдельную папку и убрала телефон.

* * *

В раздевалке Мила пыталась застегнуть часы, не выпуская из рук полотенце и бутылку. Кристина забрала бутылку, поставила на скамейку.

— Ты в субботу свободна? — спросила Мила.

— Смотря для чего.

— Для работы, конечно. Для счастья я бы у кого-нибудь другого спросила.

Она объяснила: в начинающей группе не хватает второго человека. Постоянная помощница уезжает на учёбу, Грачёв ищет замену на два занятия в неделю. Кристина иногда сидела на регистрации вечерних тренировок и знала детей в лицо, но на дорожке с ними ещё не работала.

— Он меня не просил.

— Просил тебя подумать неделю назад. Ты сказала «потом».

Кристина попыталась вспомнить. Действительно, говорил что-то возле входа, когда она спешила на электричку к знакомой. Тогда предложение показалось ещё одним способом отдать время, которого и так не хватало.

— Я не тренер.

— У тебя диплом в сумке? Нет? Тогда всё, не примут.

— Мил.

— Ты помогаешь, не ведёшь одна. Валентин там будет. И деньги платят, представляешь. Не медалями.

Кристина села, начала расшнуровывать обувь. Плата за комнату опять выросла. Регистрационные смены покрывали часть расходов, родители иногда помогали, но просить у матери деньги после выходных совсем не хотелось. Отец прислал бы отдельно, не задавая вопросов; от этого легче не становилось.

— Сколько детей?

— Девять. Иногда одиннадцать. Они размножаются к концу занятия.

— Ты сама почему не хочешь?

Мила на секунду перестала улыбаться.

— Потому что у меня по субботам уже есть работа. Я ж тебе рассказывала.

Кристина вспомнила занятия Милы в другом зале. Та вела общую физическую подготовку у взрослых любителей и несколько раз жаловалась, что группа хочет одновременно похудеть, победить и не вспотеть.

— Извини. Я всё про своё.

— Бывает. Просто иногда включай звук на других каналах.

Мила надела футболку и потянулась к куртке. Кристина ещё сидела над развязанным шнурком.

— Я поговорю с ним, — сказала она.

— Вот и хорошо.

— Но если они меня съедят, ты объяснишь родителям.

— Твоим или их?

Они вышли вместе. У входа начинался вечерний поток: взрослые с длинными чехлами, двое подростков, мужчина, который каждый раз забывал сменную обувь и надеялся, что сегодня можно. Кристина нашла Грачёва у стола регистрации и сказала, что готова попробовать помочь с группой.

— Со следующей недели, — ответил он. — В эту пока закроем сами. Я напишу время, подойди заранее. Посмотришь, как у них устроено.

Она кивнула. Почему-то ожидала, что он обрадуется сильнее, похвалит за решение, скажет, что давно пора. Грачёв уже отвечал на другой вопрос, показывая мужчине шкаф с запасными тапочками.

На улице Мила застёгивала куртку.

— Ну что, приняли на высокую должность?

— С испытательным сроком.

— Главное, не говори им «это легко». Они верят.

Кристина хотела спросить, не слишком ли много сегодня советов, но удержалась: сама ненавидела, когда взрослый человек делал что-нибудь красивое за полсекунды и затем утверждал, что повторить ничего не стоит.

Они дошли до перехода. Загорелся зелёный, толпа двинулась вперёд. Кристина вдруг поймала себя на том, что подстраивает шаг под женщину с тележкой, держит короткое расстояние и не пытается обойти её сразу. Подумала о дорожке и засмеялась.

— Чего? — спросила Мила.

— Ничего. Ноги работают.

— Слава богу. Мне до метро тебя нести не хотелось.

На другой стороне они разошлись. Кристина спустилась по ступенькам, чувствуя усталость в бёдрах и маленькую, вполне телесную радость от выигранного тренировочного боя.

Глава 6. Девушка из Брянска

Мать встретила Яну с рулеткой. Обняла, не выпуская её из руки, потом сразу попросила встать возле шкафа.

— Посмотри, если сюда кресло, проход останется?

Яна ещё не сняла куртку.

— Мам, привет.

— Привет, моя хорошая. Ну как ты? Стань вот сюда.

Из комнаты вышел отец и забрал у неё сумку.

— Эмма, дай человеку приехать.

— Я же не заставляю мебель двигать. Просто посмотреть.

Яна встала между шкафом и столом, повернулась боком. Мать вытянула рулетку, прищурилась, посмотрела на цифры.

— Нет, большое. Я говорила, большое.

— Ты говорила, красивое, — ответил отец.

— Оно и красивое. Я что, не вижу?

Они спорили о кресле, которое ещё не купили, с такой сосредоточенностью, будто от него зависел весь дальнейший порядок в квартире. Яна сняла куртку, повесила на знакомый крючок и почувствовала, как усталость дороги начинает отходить. Дома ничего не требовалось объяснять с начала. Здесь уже знали, что она любит спать у стены, терпеть не может укроп в котлетах и забывает закрыть тюбик зубной пасты.

Мать наконец убрала рулетку.

— Медаль привезла?

— Привезла.

— Ну показывай. На фотографии толком не видно.

Яна достала ленту. Отец взял медаль, перевернул, прочёл надпись. Мать держала за другой край, так что они несколько секунд тянули её каждый к себе.

— Дайте, я вам по очереди вручу, — сказала Яна.

Отец засмеялся. Мать уже искала место на планке с крючками.

— Оставишь?

— Наверно. У меня всё равно в коробке лежит.

— Тогда сюда. Рядом с той синей.

— У той лента синяя, мам. Медаль обычная.

— Для меня синяя.

Отец повесил новую награду. Металл тихо ударился о соседнюю медаль. Яна посмотрела на ряд: среди старых были детские, совсем лёгкие, несколько взрослых, один кубок стоял отдельно на книжной полке. Они занимали меньше места, чем она помнила. В детстве казалось, что победы могут заполнить стену.

— Я там у хорошей девочки выиграла, — сказала она.

— Мы видели, ты присылала, — ответила мать.

— Вы весь бой посмотрели?

Отец кивнул.

— Я два раза. Сначала не понял, почему обе лампы загораются. Потом вспомнил.

Яна улыбнулась. Он спрашивал это каждый раз, когда долго не смотрел фехтование. Она объясняла, он внимательно слушал и снова забывал к следующему сезону. Зато безошибочно помнил, какую сумку она порвала в шестнадцать лет и сколько они тогда искали молнию нужной длины.

Мать поставила чайник.

- Ты когда к Пете?
- После обеда. Он заедет.
- А завтра?
- Мы гулять собирались.
- Весь день?

Яна посмотрела на неё.

- Я всего на два дня.

- Я понимаю. Просто хотелось вместе побыть.

Отец уже открывал окно, стараясь не участвовать. Со двора донеслось, как кто-то заводит машину: двигатель схватывал, замолкал и снова натужно гудел.

- Давай завтра утром вместе сходим за креслом, — предложила Яна.

Мать тут же оживилась.

- Оно не в магазине. У женщины продаётся. Я могу ей написать.

- Только утром.

- Конечно. Нам час хватит.

Отец посмотрел на дочь и слегка покачал головой. Яна засмеялась: он лучше неё знал цену этому часу.

* * *

Пётр приехал на велосипеде и привёл второй рядом. У Яниного была новая чёрная ручка на руле, отличавшаяся от старой справа.

- Одинаковых не было? — спросила она.
- Одинаковые были. Но правая хорошая, зачем менять?
- Чтобы красиво.
- Ты сейчас как моя мать.

Он обнял её, притянул ближе и поцеловал. Яна сначала улыбалась, потом перестала. Рядом с ним всегда требовалось несколько минут, чтобы голос из телефона снова стал человеком: с тёплой шеей, шершавой щекой и привычкой держать её за поясницу всей ладонью. Она провела пальцами по его волосам, заметила, что он подстригся короче.

- Ты что, сам?
- Спасибо за высокую оценку мастера.
- Петя.
- В парикмахерской. Дорого. Больше не пойду.

Она засмеялась ему в плечо. Он некоторое время просто держал её, пока из окна не окликнул отец:

- Яна! Шлем забыла.

Она отстранилась, подняла голову. Отец стоял в окне с её шлемом в руке и явно не собирался бросать вниз.

- Сейчас поднимусь.

Пётр смотрел на неё с улыбкой.

- Девушка из Смоленска возвращается в Брянск и снова становится маленькой.
- Зато маленькую кормят бесплатно.

Покататься долго не получилось. У Десны встречный ветер забрался в рукава. Яна сжала пальцы на руле; от воды пахло мокрыми листьями, на коже под часами стало холодно. С одеждой она ошиблась. Они оставили велосипеды пристёгнутыми возле места, где собирались выпить кофе, и дальше пошли пешком по набережной. Пётр дал ей свою толстовку, остался в куртке поверх футболки. Она сначала отказалась, потом с удовольствием влезла в чужое тёплое.

— Ты потом не говори, что я тебя раздела.

— Я вообще планировал иначе, — ответил он.

Она толкнула его локтем. Пётр поймал её руку и больше не отпустил.

На воде дрожали короткие светлые полосы. Ниже по ступеням спускалась семья с ребёнком; отец нёс самокат, мать — маленький рюкзак, ребёнок ничего не нёс и громче всех требовал идти быстрее. Яна проводила их взглядом, потом посмотрела на Петра. Тот изучал покосившуюся урну.

— Что?

— Ничего. Думаю, сколько раз в неё врезались, чтобы так стало.

— Ты всё время хочешь что-нибудь починить.

— Не всё. Иногда хочу выбросить.

Они сели на скамейку. Яна сунула холодные пальцы в карманы его толстовки и нашла там два маленьких винта.

— Это от велосипеда?

Пётр посмотрел на её ладонь.

— Нет. От другого важного этапа.

— Мне начинать бояться?

— Только если ты собиралась сегодня пользоваться старым принтером.

Она вернула винты в карман. Они помолчали. Так было лучше, чем по телефону: молчание не требовало объяснять, здесь ли ты ещё и почему не отвечаешь.

Пётр первым заговорил о Москве.

— Мне предложили на весну. Помнишь, я рассказывал про ту фирму, куда ребята после практики ушли?

Яна помнила не всё, но кивнула.

— Сначала на пару месяцев. Если сработаемся, можно остаться.

— Ты хочешь?

Он посмотрел на воду.

— Хочу попробовать. Здесь тоже работа есть. Но там интереснее задачи. И платят больше, хотя половину за комнату отдашь.

Яна почувствовала радость и сразу следом укол обиды: он говорил об этом как о собственном решении, а ей хотелось уже присутствовать в нём. Она только что объясняла матери, что двух выходных не хватит на все ожидания, и теперь сама собиралась спросить, почему её не учили раньше.

— Это когда точно?

— Пока в марте. Я ещё разговаривать буду.

— А если я тоже...

Она остановилась. Пётр повернулся к ней.

— Что?

— Ничего. Мы в ноябре на турнир в Москву едем. Просто подумала.

— Ты там часто бываешь.

— Турнир — это не жить.

— Я понимаю.

Он не стал достраивать за неё фразу. Яна была ему благодарна и немного злилась: если бы предложил, можно было бы либо согласиться, либо оттолкнуть, получить понятный выбор. А так желание ещё не имело формы, и отвечать за него приходилось самой.

— Мне пока в Смоленске хорошо, — сказала она.

Пётр кивнул.

— Я вижу.

— С Маргаритой Павловной получается. Раньше я всё время как будто в стенку билась. Здесь руку подними, здесь ногу, здесь не торопись. А она иногда одну вещь покажет, и всё собирается.

— Это хорошо.

— Правда хорошо.

— Ян, я же не сплрю.

Она уткнулась подбородком в ворот толстовки. Снова получилось так, будто ей надо защитить свою жизнь от человека, который ещё не пытался её забрать.

— Я знаю.

Пётр вытянул ноги. На левом кроссовке возле подошвы было пятно смазки.

— А ты сколько ещё хочешь фехтовать?

Вопрос оказался неприятнее, чем она ожидала.

— В смысле?

— Не в смысле «пора заканчивать». Просто спрашиваю. У тебя есть какой-нибудь план?

— На этот сезон есть.

— А дальше?

Яна посмотрела на реку. До другого берега было далеко; по воде шёл ветер, и она почему-то подумала, что смогла бы различить его направление даже без деревьев.

— Если получится лучше, чем сейчас, хочу дальше. Если нет... Не знаю. Я не хочу заранее заканчивать, чтобы всем было спокойнее.

Пётр потёр ладонями колени.

— Мне не надо спокойнее. Мне надо понимать, где мы будем. Я же тоже не на один турнир собираюсь.

Она повернулась к нему.

— Ты можешь поехать.

— Спасибо за разрешение.

Он сказал это без злости, но Яна сразу услышала собственный тон. Такой же иногда бывал у тренера: человек ещё размышляет, а ты уже сообщаешь, что отпускаешь его.

— Не так сказала.

— Бывает.

Они посидели ещё. Рядом остановилась пожилая женщина с собакой. Собака тщательно обследовала ножку скамейки; женщина посмотрела на них и сказала, что возле воды холоднее, чем кажется. Яна согласилась. Пётр встал первым, протянул ей руку.

— Пойдём. А то я тебя обратно привезу замороженную, твоя мама меня линейкой измерит.

— Рулеткой, — уточнила Яна.

— Тем более. У неё размах больше.

Она встала, не выпуская его ладонь.

* * *

За креслом в воскресенье поехали втроем. Пётр приехал к девяти, потому что у отца утром нашлось срочное дело, и теперь стоял возле чужого подъезда с таким лицом, будто заранее простил Яне всё, кроме новых обещаний про один час.

Кресло оказалось больше, чем на фотографии. Хозяйка квартиры уверяла, что оно прекрасно проходит в любой лифт, просто надо правильно повернуть. Мать Яны мерила подлокотник и смотрела на дочь с надеждой.

— Красивое же.

Яна уже не знала, что отвечать. Ткань была тёмно-синяя, мягкая, на спинке оставалась ямка от чьей-то головы. Кресло действительно было хорошим. Оно действительно не помещалось в тот промежуток возле шкафа, который они измерили вчера.

— Мам, оно туда не встанет.

— Можно стол подвинуть.

— Тогда стул не вытащишь.

— А если к окну?

Пётр молча держал рулетку за дальний край. Яна посмотрела на него, потом снова на мать.

— Ты хочешь именно это?

Эмма погладила подлокотник.

— Хочу. Я в нём посидела. Удобное.

Яна вдруг перестала спорить с сантиметрами.

— Тогда надо место дома менять. Не кресло туда втискивать.

Они позвонили отцу. Тот сначала долго не понимал, почему это обсуждают из чужой квартиры, потом предложил переставить стол вдоль другой стены. Мать возразила. Они поспорили ещё, уже по видеосвязи. Пётр ушёл к окну, терпеливо ждал.

В итоге кресло купили. В лифт оно вошло только после третьей попытки, когда сняли съёмные ножки. Пётр с Яной вынесли его к машине, погрузили, поехали домой и ещё почти час переставляли мебель. Мать несколько раз садилась, вставала, поправляла спинку, наконец устроилась с ногами на маленькой подставке и засмеялась от удовольствия.

Яна посмотрела на часы. Было далеко за полдень.

Они с Петром вышли на лестницу, оставив родителей спорить о том, где теперь будет стоять лампа. Он вытер лоб рукавом.

— Хорошее кресло, — сказал он.

— Прости.

— Я не про это. Правда хорошее.

— Мы ещё можем погулять.

— Можем. Только велосипед сегодня отдыхает.

Она обняла его там же, на лестничной площадке. Он сначала стоял неподвижно, потом обнял в ответ. Яна прижалась лбом к его шее.

— Я приеду ещё, — сказала она и тут же добавила: — Давай сразу выберем когда. Чтобы не опять «потом».

Они спустились во двор, сели на низкую ограду и открыли календари в телефонах. Два занятых человека, у которых не было ни детей, ни общей квартиры, ни причин считать себя взрослыми до конца, долго выбирали два свободных дня в октябре.

Когда выбрали, Пётр убрал телефон и спросил:

— Теперь можно просто посидеть?

Яна кивнула. Положила голову ему на плечо. На этот раз она не собиралась рассказывать про турнир, хотя всё ещё могла вспомнить каждый свой укол. Во дворе женщина звала ребёнка домой; где-то наверху отец передвигал кресло, и из открытого окна доносилось довольное мамино «вот теперь хорошо».

Глава 7. Четверть метра

Слава был длинный и весь состоял из неудобных для Яны частей. Рука начиналась раньше, чем она привыкла, передняя нога оказывалась дальше, чем ожидала, а остриё появлялось возле её кисти в тот момент, когда, по всем её ощущениям, между ними ещё хватало безопасного места.

Он был на шесть лет младше и старательно это скрывал. После каждого укола отходил с неподвижным лицом, будто ничего интересного не произошло. Яна знала: стоит отвернуться, и он посмотрит на табло.

Четыре — один.

— Ещё раз, — сказала Маргарита Павловна.

Они вернулись на исходные места. Яна попробовала заставить Славу двинуться вперёд, дала ему короткое открытие в руку. Он не пошёл. Она подразнила ещё, подошла ближе, и тут его клинок оказался у неё под гардой.

Пять — один.

Слава снял маску. Лицо у него было красное, довольное и всё-таки немного извиняющееся.

— Не смотри так, — сказала Яна. — Ты меня не похоронил.

— Я нормально смотрю.

— Вот и продолжай нормально. Сейчас ещё будет.

Маргарита жестом подозвала её к краю. Слава ушёл попить воды и немедленно посмотрел на табло, где всё ещё горели его пять уколов.

— Ты куда идёшь? — спросила тренер.

— К нему. Больше некуда.

— Ты всё время идёшь туда, где тебе удобно было бы стоять, если бы он оказался ниже. Яна вытерла лоб полотенцем.

— Его не укоротить.

— Зато можно не подносить ему руку на блюде. Смотри.

Маргарита надела защиту и маску, взяла тренировочную шпагу. Встала напротив, вытянула руку. Яна привычно подалась вперёд.

— Стой. Видишь, куда забралась? Ему только руку распрямить. А ты до него ещё тянись.

Она показала расстояние остриём, не касаясь ученицы, потом сделала маленький шаг назад.

— А теперь?

Яна посмотрела. Казалось, ничего почти не изменилось. Четверть метра, может, чуть меньше. Но чтобы достать, Маргарите теперь требовалось сделать дополнительное движение, и это движение можно было увидеть.

— Он шагнёт, — сказала Яна.

— Не гадай. Стой здесь. Пойдёт — встречай, останется — не лезь.

Они начали медленно. Маргарита меняла расстояние, иногда приближалась, иногда только показывала, что собирается. Яна дважды дёрнулась раньше, чем надо, один раз осталась стоять и получила лёгкий тренировочный укол в плечо. Потом почувствовала момент, когда чужая рука уже движется, а нога ещё не подтянула за ней тело. Успела коротко встретить в кисть.

— Ещё, — сказала Маргарита.

На следующей попытке ничего не вышло. Яна выругалась в маску.

— Руку не бросай. Ты её как удочку закинула и ждёшь, что там клюнет.

Яна прыснула. Маргарита тоже засмеялась, и на секунду обе потеряли стойку.

— Всё, собрались. Рыбу потом ловить будем.

Они повторяли до тех пор, пока короткое действие не перестало казаться случайностью. Яна чувствовала его в пальцах: не толкнуть всё тело вперёд, не достать любой ценой, а успеть туда, где рука соперника оказалась ненадолго открыта. Укол получался маленький, почти невидный. От этого он нравился ей ещё больше.

Маргарита сняла маску. Слава вернулся.

— Можно я теперь? — спросил он. — А то у меня автобус потом.

— У тебя до автобуса час, — ответила Маргарита. — Давай на место.

Яна снова встала напротив. После тренерской руки Славино остриё двигалось резко, неприятно, без всякого желания помочь упражнению. Первый укол он взял сразу. Второй Яна отдала сама, слишком явно приготовив новый приём.

Два — ноль.

Она уже собиралась повернуться к Маргарите, но та смотрела на дорожку и не подсказывала. Яна выдохнула, покачала шпагой и попробовала просто постоять подальше. Слава подождал. Потом сделал длинный шаг, уверенный, что она опять отступит второпях.

Её остриё коснулось перчатки.

Загорелась одна лампа.

Слава посмотрел на руку, потом на аппарат. Яна удержала лицо, но под маской улыбнулась.

Он разозлился и на следующем сближении сделал ровно то, чего она хотела. Укол получился ещё чище. Два — два.

Теперь Слава перестал спешить. Он был неглупый и после двух одинаковых неприятностей начал менять заход. Яна пропустила ещё один, потом ответила. Три — три. Слава взял четвёртый коротким уколом в руку. Следом обе лампы зажглись вместе: пять — четыре в его пользу.

Она сняла маску. В горле пересохло, но улыбка оставалась.

— Так уже хуже, — сказал Слава.

— Для тебя.

— Вы сейчас всей группе это покажете. Отлично вообще.

Маргарита засмеялась.

— Вот и думай, что будешь делать.

Он ушёл переодеваться, всё ещё оглядываясь на табло. Яна села, положила маску на колени. Подбородок дрожал от усталости; она прижала к нему край полотенца.

— Мне понравилось, — сказала она.

— Ещё бы. Людям неприятно делать приятно.

Яна подняла голову. Маргарита поняла, как прозвучало, и махнула рукой.

— Всё, запуталась. Ты поняла.

— Поняла. Запишу и буду вас цитировать.

— Попробуй только.

Они посидели рядом. В зале начиналась другая группа, новые люди раскладывали вещи, кто-то искал свой провод. Маргарита провела ладонью по волосам, приглаживая мокрые пряди. На лице у неё было то редкое спокойствие, которое появлялось после удачной работы и исчезало, стоило зазвонить телефону.

— В ноябре поедem не просто выступить, — сказала она.

Яна перестала тереть полотенце.

— А как?

— Посмотрим, как ты держишь сильный состав. В группе задача — не растерять то, что умеешь. Потом уже по сетке.

— Я в прошлом году там из тридцати двух вылетела.

— Я помню.

— Очень убедительно.

Маргарита повернулась к ней.

— Ты хочешь, чтобы я сказала: в этот раз выиграешь?

Яна пожала плечами. Да, хотелось. Хотя она бы не поверила.

— Я хочу посмотреть на тебя среди них, — сказала тренер. — Без того, чтобы ты заранее сама себе поставила место. Вот этот короткий укол у тебя есть. Ноги лучше стали. Но после двух пропущенных ты всё ещё торопишься отдать третий. С этим и будем работать.

Яна кивнула. Разговор вдруг сделал ноябрь ближе. До сих пор поездка существовала как билеты, пропущенные смены и знакомый зал, где всегда слишком шумно. Теперь в ней появилось конкретное желание.

— А в мае? — спросила она.

Маргарита посмотрела на неё внимательнее.

— Что в мае?

— Большой открытый. Вы говорили, туда бы хорошо доехать нормально подготовленной. Не просто на один бой.

— До мая сначала надо дожить.

Яна скривилась.

— Вот вы сами сейчас заранее место поставили.

Маргарита открыла рот, потом закрыла. Несколько секунд смотрела на ученицу, и Яна уже пожалела о сказанном. Но тренер улыбнулась.

— Ладно. В мае хочу увидеть тебя в восьмёрке. А дальше будем жадничать по ходу.

Яна посмотрела на пустую ладонь. В восьмёрке того турнира бывали женщины, чьи бои она включала вечером вместо сериала. Хотелось сразу назвать три причины, почему это слишком смело. Она не назвала.

— Я хочу выше, — сказала она.

— Тогда работай так, чтобы было чем хотеть.

* * *

После занятия они задержались возле шкафа с инвентарём. У Яны ослабло крепление на запасной шпaге; Маргарита достала инструмент, попросила держать клинок и принялась проверять, что именно разболталось. Яна смотрела на её руки. Короткие ногти, след от кольца, небольшая старая царапина возле большого пальца. Эти руки могли быть резкими, но сейчас двигались осторожно.

— В Брянске хорошо съездила?

— Да. Маме кресло купили.

— Ты специально ездила кресло покупать?

— Нет. Просто у нас семья такая. Приехала — поучаствуй в интерьере.

Маргарита рассмеялась.

Яна рассказала про лифт, съёмные ножки и Петю с рулеткой. Про разговор у реки не стала. Не потому, что скрывала: он ещё принадлежал им двоим, и ей не хотелось сразу превращать его в задачу, которую тренер сумеет решить быстрее.

— Он не сердился? — спросила Маргарита.

— Немножко. Мы же гулять собирались.

— Зато помог.

— Да. Но я ему два выходных обещала, а не перевозку мебели.

Маргарита перестала поворачивать инструмент, посмотрела на неё.

— Умная стала.

— Поздно. Кресло уже дома.

Тренер вернулась к работе. Яна держала клинок и думала, что с ней можно разговаривать по-разному. Иногда хотелось пожаловаться, иногда — доказать, иногда просто рассказать смешное. Кристина на турнире смотрела так, будто Яна отняла у неё целого человека. Яна не знала, как объяснить, что ничего целого ей не досталось. Были отдельные часы, оплаченные занятия, общая усталость, иногда яблоко или смешная фраза. Но эти часы она тоже не хотела отдавать.

Маргарита закрепила всё на месте, проверила ещё раз и отдала шпагу.

— В среду принесёшь обе. Перед поездкой всё посмотрим нормально.

— До поездки месяц.

— А ты умеешь отложить до последнего вечера. Я тоже кое-что знаю.

Яна убрала оружие в чехол.

— По деньгам в ноябре как?

Маргарита достала из папки лист с предварительным расчётом. Клуб оплачивал часть дороги группе; проживание и еду нужно было считать отдельно. Яна провела пальцем по строкам. Две ночи. Взнос. Общая поездка. Если поменяться сменами с Костей и не брать лишних выходных, получалось.

— Я внесу к пятнице.

— Не торопись. Сначала с работой реши.

— Уже решила. На турнире мне тоже надо работать.

Маргарита посмотрела на неё и медленно кивнула.

— Вот это правильно.

Яна вышла из зала, всё ещё чувствуя в пальцах короткий встречный укол. На улице моросило. Пришлось поднять чехол выше, чтобы не волочить по мокрому асфальту, и почти бегом дойти до остановки.

Под навесом стоял Слава. Оказалось, он пропустил свой автобус, потому что вернулся искать наушник. Теперь был злой и голодный.

— Какой счёт у нас был? — спросила Яна.

— Пять — четыре.

— В следующий раз запоминай внимательнее. Изменится.

Он посмотрел на неё, потом улыбнулся.

— Мечтай.

Яна достала из сумки яблоко и протянула ему. Слава взял, вытер о рукав. Когда подошёл автобус, они втиснулись в него вместе, длинными чехлами мешая всем у дверей. Яна придерживала свой носком ботинка и с удовольствием думала о том, как в среду снова заставит этого длинного мальчишку убрать руку.

Глава 8. Отпечаток пальца

Аркадий запретил ей трогать белые края, и Маргарита немедленно задела один большим пальцем.

— Вот, — сказал он.

— Что — вот? У меня чистые руки.

Он наклонил лист к лампе. На плотной бумаге проступил тусклый полумесяц. Маргарита поднесла палец к свету, словно отпечаток можно было забрать обратно.

— Я не знала, что так видно.

— Поэтому я и попросил.

Он сказал это спокойно, но положил фотографию отдельно от остальных. На кухонном столе лежали четыре городских снимка, два портрета и пустая тарелка, которую Маргарита всё собиралась убрать. Наконец Аркадий сам перенёс её к мойке.

— Испортила?

— На выставку этот не пойдёт. На стену себе можно.

— Напечатай ещё.

Он взглянул на неё. Она поняла раньше, чем он ответил: ещё один отпечаток стоил денег, возни, дороги, проверки оттенка. В типографии мужа печатали совсем другие вещи; красивое слово «печать» не делало каждую бумажную работу бесплатной.

— Я заплачу, — сказала она и тут же услышала, как нелепо прозвучало это за их общим столом.

— Рит, я не счёт тебеставляю.

Он накрыл снимок тонкой бумагой. Маргарита села на стул, убрала ладони на колени и почувствовала себя ребёнком, которому доверили дорогую вещь, а тот не сумел просто постоять рядом.

Вечером они должны были выбрать шесть работ. В небольшом показе участвовали четверо, каждому досталась своя часть стены. Аркадий уже сократил первоначальные двадцать семь фотографий до одиннадцати, но дальше застрял. Позвал жену посмотреть свежим глазом. Она пришла домой позднее, чем обещала, и теперь время от времени проверяла телефон: Яна уточняла, успеют ли они в среду провести урок до её смены.

— Ты эту берёшь? — Маргарита указала подбородком на фотографию мужчины с собакой.

— Да.

— Тогда зачем я выбираю?

— Ещё пять нужны.

Она посмотрела на остальные. На одном снимке две пожилые женщины сидели на разных концах длинной скамейки. На другом блестела мокрая остановка, почти пустая; человек в глубине был так мал, что Маргарита не сразу его увидела. Ей больше нравился портрет женщины в рабочем фартуке. Та смотрела прямо в камеру, держа в обеих руках очищенное яблоко, и улыбалась так, будто фотограф сказал что-то неприличное.

— Вот эту обязательно.

— Почему?

— Живая.

Аркадий поморщился.

— Остальные тоже пока.

— Я же не умею объяснять по-вашему. Мне интересно, что ты ей сказал.

Он придвинул портрет ближе.

— Она сказала. Спросила, успеет ли яблоко потемнеть, пока я настроюсь.

Маргарита рассмеялась. Теперь и рот женщины на фотографии показался ей иначе устроенным: в нём было ожидание чужой растерянности.

Они отложили портрет. Потом она выбрала остановку, хотя сначала собиралась отвергнуть. Аркадий рассказал, как ждал, чтобы человек в глубине поднял голову, а тот всё смотрел себе под ноги. В конце концов муж снял его таким. Маргарите нравилось слушать, как он говорит о человеке, чьего имени не знает. Без привычной домашней торопливости, не оглядываясь, хватит ли у неё терпения.

Телефон завибрировал.

Она прочитала сообщение, ответила: «К десяти». Положила аппарат экраном вниз.

— Продолжай.

— Я закончил.

— Ты говорил, что потом он ушёл.

— Потом он и ушёл.

Аркадий собрал отвергнутые снимки. Маргарита протянула руку к портрету, но удержала её над бумагой.

— А где вы это всё будете вешать?

Он ответил не сразу.

— Я показывал тебе комнату.

— На телефоне?

— Да.

Она помнила светлую стену, складные стулья, чей-то палец в кадре. Тогда он прислал снимки между её двумя занятиями. Она поставила сердечко и вернулась к Феде, который никак не мог понять, почему быстрый человек тоже обязан останавливаться по команде.

— Покажи ещё раз, — попросила она.

Муж открыл фотографии помещения. Небольшая комната при мастерской, где один из участников проводил занятия. На стене оставались дырки от прежних рамок. Возле окна стояла стремянка. Маргарита раздвинула пальцами изображение и стала смотреть внимательно.

— Вот здесь твой?

— Да. Портрет лучше сюда, ближе к свету.

— Лица отсвечивать не будут?

Он поднял голову.

— Будут, если не переставить лампу. Я тоже думал.

Она ощутила маленькое облегчение. Всё-таки могла участвовать. Не только портить края и задавать вопросы, ответы на которые уже получила.

* * *

В следующую среду Маргарита поехала с ним за рамами.

Сначала собиралась отказаться. У Яны появилось свободное окно, а по вечерам в зале было тесно. Но муж уже стоял в прихожей с обёрнутыми картоном отпечатками, и она вспомнила, что сама обещала помочь. Написала ученице: сегодня по прежнему расписанию. Яна ответила коротким «хорошо», совершенно не пострадав от того, что её тренер проведёт два часа в другом месте.

В мастерской пахло древесной пылью. Мужчина за стойкой вынес образцы рам, и Аркадий стал прикладывать их к снимкам. Маргарита сначала выбрала широкий тёмный багет, потом увидела, что он оттягивает взгляд с лиц на себя.

— Этот будто на почётную грамоту, — сказала она.

— Зато сразу уважение, — ответил муж.

— Можно тебе ещё подпись золотом. «За двадцать лет терпения».

— За двадцать восемь. Не сокращай стаж.

Они поженились до рождения Кристины, и в первые годы Маргарита любила говорить, что Аркадий успел застать её в свободном состоянии. Теперь фраза не нравилась: получалось, всё, что случилось потом, было неволей. А она помнила, как они втроём лежали на узком диване, дочь спала поперёк, муж одной рукой держал книгу над головой, другой придерживал детскую пятку. Ничего отменять в той комнате ей не хотелось.

Рамы выбрали простые. Когда мастер стал записывать заказ, Аркадий полез за кошельком, уронил квитанцию от прежней покупки, наклонился. Маргарита придерживала картонный пакет, чтобы углы не ударились о пол.

Ей нравилось находиться рядом с ним в этом тесном месте. Никто не спрашивал про дочь, не поздравлял с ученицей, не рассказывал, что в их время тренеры были строже. Муж думал о бумаге и стекле. Она могла помочь ровно настолько, насколько понимала, и этого хватало.

На улице моросило. Они укрыли пакет под его курткой и прошли до машины боком, прижавшись друг к другу. Маргарита смеялась, потому что от каждого шага край картона толкал её под рёбра.

— Ты иди нормально, — говорил Аркадий.

— Я иду нормально. Это твоя выставка меня пинает.

В машине у неё зазвонил телефон. Она увидела имя Яны и не стала отвечать: ехать предстояло недолго, перезвонить успеет. Аркадий ничего не сказал, но, выезжая, положил ладонь ей на колено. Она накрыла её своей и не убирала, пока ему не понадобилось переключить передачу.

Только дома выяснилось, что ученица хотела сообщить о заболевшей сотруднице и переносе смены. Никакой срочности. Маргарита договорилась на следующий день и пошла помогать мужу освобождать стол.

На этот раз перед тем, как взять фотографию, спросила:

— За какой край можно?

— За самый край. И лучше вот так.

Он встал у неё за спиной, показал движение, обхватив её руки своими. Она прижалась затылком к его щеке. Муж потёрся подбородком о волосы, и несколько секунд оба молча удерживали снимок мокрой остановки.

Потом Маргарита сказала:

— Мы сейчас его согнём.

— Ты всю романтику портишь.

— Я берегу искусство.

* * *

Дату открытия напечатали на маленьких карточках: шестнадцатое ноября, воскресенье, шестнадцать часов.

Аркадий принёс их домой в конце октября. Одна карточка была бракованная, с обрезанной нижней строкой, и Маргарита положила её в свой ежедневник вместо закладки. На лицевой стороне — чёрно-белая фотография пустого стула у окна, работа другого участника. Имя мужа стояло третьим среди четырёх. Она провела по нему пальцем.

— Не отпечатается? — спросила она.

— Здесь можно лапать сколько хочешь.

Маргарита рассмеялась и проверила календарь.

Пятнадцатого — Москва. Они с Яной уже купили билеты и договорились о гостинице. Турнир занимал субботу, обратно собирались в воскресенье. До сих пор она думала о возвращении как о свободной части выходных, без точного часа.

— Успеешь? — спросил Аркадий.

— Возьму ранний обратный.

Он кивнул.

— Мне важно, чтобы ты была с начала.

— Буду.

— Не потому, что надо открывать торжественно. Мы там никаких речей не придумали. Просто придут люди, которых ты не знаешь. Хочу тебя познакомить.

Маргарита посмотрела на карточку. На работе муж знал десятки людей, чьи фамилии она слышала годами и всё равно путала. В какой-то момент у них установился удобный порядок: он рассказывал о типографии, она слушала вполуха; она рассказывала о спортсменах, он запоминал результаты и даты, потому что от них зависело, когда семья сможет собраться. Теперь этот порядок почему-то стеснил её.

— Я буду с начала, — повторила она.

Муж убрал остальные приглашения в конверт. Потом достал ещё одно, надписал на обороте «Крис» и положил отдельно.

— Она приедет?

— Сказала, попробует. У неё соревнования.

— Те же.

— Я знаю.

Маргарита хотела предложить, чтобы дочь вернулась с ними. Удержалась. Кристина сама могла купить билет, а Аркадий — пригласить её без материнского содействия.

Вечером они разложили готовые рамы на полу. Муж расставлял их в предполагаемом порядке, отходил к дверному проёму, возвращался. Маргарита сидела на диване, поджав ноги. Из ванной доносился стук плохо закреплённой полочки — опять надо было подтянуть винт. Она уже открыла рот, чтобы напомнить, но муж в этот момент спросил:

— Если портрет вторым, остановка совсем проваливается?

Она встала и подошла к нему.

— Переставь. Я отсюда посмотрю.

Он поднял две рамы. Маргарита придержала свободную, чтобы та не соскользнула на угол. На этот раз её палец касался только дерева.

Глава 9. Длинный укол

Утром Мила попросила у Кристины резинку для волос, натянула её на запястье и сказала:

— Если встретимся, сразу предупреждаю: дружба отдельно, резинка отдельно.

— Ты хотя бы верни перед боем. А то я буду на неё смотреть.

— Вот именно.

Они сидели на скамейке возле раздевалки. В коридоре кто-то тащил сумку с неисправным колёсиком; она стучала через равные промежутки, и Кристина ловила себя на том, что подстраивает дыхание под этот стук. До начала оставалось достаточно времени, чтобы успеть всё необходимое и ещё дважды проверить, не забыла ли она маску, которая лежала у неё на коленях.

Мила была непривычно молчалива. Шутку произнесла, не подняв головы, потом принялась медленно наматывать на палец ленту. Кристина знала этот вид: перед важным стартом Мила словно экономила движения лица. Вчера она смеялась над новой стрижкой Грачёва; сегодня могла ответить одним кивком на длинный вопрос.

Кристина перестала её трогать. Проверила телефон.

Отец прислал фотографию стены. Рамы уже висели, под каждой была маленькая подпись. Одна чуть съехала набок.

«Третья справа косит», — написала Кристина.

«Это ты косишь. У меня уровень».

«Значит, уровень косит».

Она улыбнулась и убрала телефон. Завтра собиралась приехать к открытию. Билет до Смоленска купила ещё в среду, когда выяснилось, что после турнира дополнительных обязанностей у неё нет. Матери не сказала: отец знал, этого хватало.

— Пойдём, — произнесла Мила.

Они подняли сумки.

В зале уже шла разминка. Под высоким потолком перекликались команды; одна возвращалась эхом, когда судья у соседней дорожки уже давал следующую. Кристина потёрла ладони — от больших окон тянуло холодом. Люди в белых брюках и разноцветных футболках перемещались между дорожками, кто-то подпрыгивал на месте, кто-то лежал у стены, подложив маску под голову. Грачёв стоял возле стола судей и разговаривал с мужчиной в серой кофте. Увидел их, показал двумя пальцами на свои глаза, потом на часы.

— Мы вовремя, — сказала Кристина, хотя он не мог услышать.

— Он уже соскучился, — ответила Мила.

Мать нашлась у дальней дорожки. Поправляла Яне воротник, проверяла, не попала ли ткань под крепление маски. Кристина почувствовала привычный толчок под рёбрами и успела разозлиться на саму себя: Яна стояла неподвижно, как любой спортсмен, которому помогают с экипировкой. Ничего специально обидного в этой сцене не было. От знания легче не стало.

Маргарита подняла голову. Помахала. Кристина тоже подняла ладонь и пошла дальше.

Через несколько шагов её догнала Яна.

— Привет. Ты не знаешь, где воду набрать?

— Там, за выходом направо. Только очередь обычно.

— Спасибо.

Яна уже повернулась, но Кристина спросила:

— Вы когда приехали?

— Вчера вечером.

— Нормально устроились?

— Да. В номере батарея жарит так, что мы окно открывали. Маргарита Павловна сказала, хорошо сохнут носки.

Кристина фыркнула. Мать действительно могла оценить гостиницу по скорости высыхания формы.

Яна улыбнулась и ушла за водой. Простого разговора оказалось достаточно, чтобы в груди перестало тянуть. До следующего раза.

* * *

В предварительном туре Кристина проиграла один бой.

Женщина с короткими светлыми волосами сначала уступила ей два укола, потом заставляла несколько раз атаковать в пустоту. Кристина злилась: соперница отступала некрасиво, заваливаясь назад, иногда почти скрещивала ноги, но всё равно успевала убрать корпус. При счёте четыре — четыре Кристина решила достать во что бы то ни стало и получила укол в плечо.

Грачёв после боя спросил:

— За что ты её наказывала?

— За плохое поведение.

— Наказала?

Она покачала головой.

— А как достанешь, если она опять так уйдёт?

Остальные бои Кристина выиграла. Последний — с трудом, зато без ощущения, что спорит с чужим телом о правилах приличия. Сумела подождать и дважды достала в руку, когда соперница сама пошла вперёд.

В общем списке она оказалась пятой. Мила — четвёртой.

Кристина подошла к вывешенной сетке, провела взглядом по линиям и остановилась. Если обе выигрывают по два боя, встретятся в четвертьфинале.

— Резинку уже можно? — спросила она, когда Мила встала рядом.

Та посмотрела на сетку.

— Не торопись. Мне ещё до тебя дожить.

— Ты вообще умеешь хоть раз сказать: да, я тоже это увидела?

— Да. Я тоже это увидела.

Мила вернула резинку. Кристина сунула её в карман куртки и неожиданно почувствовала досаду: хотелось ещё пошутить, снять с обеих тяжесть предстоящей встречи, но подруга уже смотрела на имя первой соперницы.

В другой половине стояла Яна. Достаточно далеко, чтобы о ней можно было не думать до финала. Кристина тут же принялась высчитывать, с кем та может встретиться раньше, и сама себя оборвала. Вернулась к своей ветке.

Первый бой она выиграла пятнадцать — восемь. Соперница слишком рано начинала длинную атаку, и после нескольких обменов Кристина почувствовала, что успевает видеть почти всё. Во втором пришлось отыгрываться: к первому перерыву было три — шесть, и Грачёв велел перестать спасать счёт одним действием. Она послушалась не сразу. Пропустила седьмой, прежде чем короткий, почти сердитый укол в предплечье вернул ей расстояние. Потом бой выровнялся. Пятнадцать — двенадцать.

Сняв маску, Кристина увидела, что тренер улыбается.

— Уже лучше, — сказал он.

— Я заметила.

— Вот и хорошо. Восстановись.

Она села на пол у стены, вытянула ноги, выпила воды. Под формой по спине ползла холодная капля. Хотелось снять всё белое, надеть мягкую футболку и на десять минут исчезнуть из зала. Но впереди была Мила, и от этой мысли снова стало жарко.

За последние недели они встречались на тренировках столько раз, что Кристина знала, как звучит дыхание подруги после длинного сближения. Знала и неприятную маленькую паузу: Мила будто заканчивала действие, позволяя поверить, что можно ответить, а потом её левая рука продолжала движение. Кристина научилась иногда ловить эту паузу. Сегодня ей хотелось поймать её при всех.

* * *

Грачёв остался у середины, в стороне от обеих.

— Работаете сами, — сказал он до начала. — После разберём каждую.

Кристина кивнула. Это было привычное правило при встрече своих. Она подумала о матери, которая никогда не произносила этих слов так спокойно, и сразу убрала мысль: сейчас у её края не было никого, кого требовалось убедить.

Мила проверила шпагу, отошла на линию и надела маску. Птичка на левом запястье исчезла под краем перчатки. Лицо тоже исчезло, и перед Кристиной остался знакомый наклон головы.

Первый укол она взяла сама.

Мила пошла в своём длинном приготовлении, Кристина чуть задержалась и встретила раньше последней паузы. Одна лампа. Всё именно так, как получалось в четверг.

На следующем сближении Мила сделала короче. Кристина уже приготовилась повторить удачное движение, но перед ней внезапно не оказалось нужной руки. Зато чужой клинок коснулся груди.

Один — один.

Кристина вернулась на место и усмехнулась под маской. Ну конечно. Подруга тоже присутствовала на их тренировках.

Они долго шли рядом по счёту. При трёх — трёх зажглись обе лампы, потом Мила взяла чистый. Кристина отыграла один в стопу, услышав за спиной чей-то короткий возглас. Не повернулась. Ей нравилось, что удаётся не искать глазами зрителей. Нравилось само противостояние: знакомый человек делался труднее, точнее, будто убирал с поверхности всё домашнее, оставляя то, ради чего они обе вставали в субботу в шесть утра.

К перерыву Мила вела шесть — пять.

Кристина села, положила полотенце на колени. Через проход Яна стояла возле матери и что-то показывала рукой. Кристина успела подумать, что их разговор сейчас наверняка полезнее её одиночества, но Мила тоже сидела одна, запрокинув голову к стене. Объяснение рассыпалось, не успев утешить.

Она стала вспоминать последние три укола. Мила не просто укорачивала руку. Она сдвинула момент, когда начинала окончательное сближение. Кристина ждала знакомого продолжения и всякий раз опаздывала решить, будет ли оно вообще.

Во втором периоде она попробовала навязать собственный темп. Два раза получилось; затем обе попали одновременно. Восемь — семь в её пользу. Потом Мила пропустила её ближе, чем прежде, и отступила почти в последний момент. Кристина вытянулась, корпус ушёл вслед за рукой. Чужое остриё встретило её сбоку.

Восемь — восемь.

Следующий укол оказался похожим. Она видела ловушку и всё равно в неё вошла, потому что теперь казалось: ещё несколько сантиметров, и достанет раньше. После остановки стукнула пяткой по дорожке. Мила молча вернулась на свою линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.